

XXXVII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVII

№ 1

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 40 книг „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Н. М. Станюковича, 12 книг Литературных и популярно-научных приложений, 12 № № „Парижских модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1906

Выданъ 7-го января 1906 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—25 к., съ перес. 30 к.

Къ этому № прилагаются: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложения“ за январь 1906 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за январь 1906 г. съ 28 рис. и отдѣльн. листъ съ 33 черт. выкр. въ натур. велич. и 11 рис. для выжиганія и 3) СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1906 г., печатан. красками.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1906 г.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ

6.50

Безъ доставки въ
МОСКВѢ въ конторѣ
Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ.
Петровскія линія . . .

7 р. 25 н.

Безъ доставки въ
ОДЕССѢ въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“.
Римельевская, 12.

7 р. 50 н.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ

7.50

Съ пересылкою
во всѣ мѣстности
Россіи. . . .

8 р.

За
гра-
ницу, 12 р.

Первый номеръ. Картина Г. Пеннеръ-Бемера, гравюра М. Вейзера.

Урокъ.

Повѣсть

Бор. Лазаревского.

I.

Какъ только наступали теплые дни, студентъ Константинъ Ивановичъ Смирновъ терялъ способность заниматься въ комнатѣ. Когда на улицахъ начинали скалывать ледъ, а вдоль тротуаровъ бѣжали грязные ручьи, подгоняемые метлами дворниковъ, онъ по цѣлымъ часамъ стоялъ на подоконникѣ и, высунувъ голову въ форточку, безъ конца дышалъ влажнымъ, мягкимъ, немного одуряющимъ, мартовскимъ воздухомъ. Съ наступленіемъ же настоящей весны, случалось, что Константинъ Ивановичъ уходилъ изъ дому на весь день и даже не обѣдалъ.

Когда Смирновъ былъ гимназистомъ, ему часто доставалось отъ отца за эти прогулки. Въ седьмомъ классѣ онъ остался на второй годъ изъ-за того, что съ раннего утра ушелъ за городъ и опоздалъ къ началу письменнаго экзамена. Теперь Константинъ Ивановичъ уже цѣлый годъ былъ студентомъ естественнаго факультета, дома пользовался свободой и заниматься ему предоставлялось, когда онъ хочетъ и гдѣ хочетъ. Къ экзаменамъ онъ готовился, какъ и многіе изъ студентовъ, въ университетскомъ саду.

Садъ былъ старый, расположенный на четырехъ десятинахъ земли, съ широкими капитановыми аллеями и запущенными далекими уголками, въ которыхъ, даже въ жаркіе дни, пахло влагой и бузиной.

Константину Ивановичу нравилось приходить сюда какъ можно раньше, когда на лопухахъ еще блестѣли крупныя, холодныя капли, трава казалась серебряной, особенно радостно кричали воробьи и даже на самой главной аллеѣ нельзя было встрѣтить ни одного человѣка.

Нагнувшись надъ книгой, онъ переставалъ иногда читать и думалъ, что наслажденіе отъ близости съ природой въ эти часы должно быть похоже на ту радость, какую испытываетъ человѣкъ, глядя на полюбившую его перваго дѣвушку. Казалось ему тогда, что гдѣ-нибудь въ лѣсу, или въ паркѣ заброшенной помѣщицѣй усадьбы, разевѣтъ вѣроятно еще красивѣе, а воздухъ кругомъ еще сильнѣе пропитанъ дыханіемъ цвѣтовъ.

Константина Ивановича не любила ни одна дѣвушка, и настоящій лѣсъ онъ видѣлъ только возлѣ дачнаго поселка, гдѣ случалось, что унылый стонъ кукушки вдругъ заглушался козынымъ голосомъ мороженщика.

Съ начала марта, каждый вечеръ, онъ мечталъ послѣ экзаменовъ найти урокъ на выѣздъ въ деревню. Онъ былъ увѣренъ, что тамъ всѣ люди здоровѣе, воспримчивѣе къ добру, ласковѣе другъ къ другу, и жить среди такихъ людей — уже большое счастье. Какъ-то за обѣдомъ онъ попробовалъ подѣлиться своими мыслями съ отцомъ и сестрой. Отецъ, только-что вернувшійся изъ контрольной палаты, молчалъ, пока не съѣлъ весь борщъ, потомъ вытеръ сѣдые усы салфеткой и сказалъ:

— Дуракъ ты, братъ Костя, и больше ничего. Я пятьдесятъ лѣтъ живу на свѣтѣ, бывалъ и въ деревнѣ... Теперь вотъ усталъ и служить мнѣ надобно, а въ деревню все-таки не поѣхалъ бы. Тамъ иногда съ голоду пропасть можно, — одно молоко да яйца. Никто тебѣ ни сорочки не выгладитъ какъ слѣдуетъ, ни кофе не сварить... Конечно, быть помѣщикомъ — другое дѣло, а такъ — лучше туда и не показываться.

Сестра Таня съ удивленіемъ посмотрѣла и звонко прощбетала:

— Да. По-моему тоже, поселиться въ деревнѣ, — это значитъ похоронить себя заживо. Я нисколько не стою за вѣчное пребываніе въ городѣ, но гораздо лучше жить гдѣ-нибудь на большой желѣзнодорожной станціи; тамъ можно дышать прекраснымъ воздухомъ, ѣздить въ лѣсъ,

и въ то же время вокругъ тебя всегда люди; можно достать конфетъ, закусокъ... А нужно новое платье, или перчатки, или въ театръ захочется, сѣсть въ поѣздъ и черезъ пять-шесть часовъ въ городѣ. Наконецъ, по-ручить можно...

— Почему же именно на станціи? — спросилъ Константинъ Ивановичъ.

— Такая у меня фантазія.

— Странная фантазія.

— Экая ты сорока-болтуха, — сказалъ отецъ Танѣ и чему-то улыбнулся.

Низко наклонившись надъ тарелкой, Константинъ Ивановичъ молчалъ до конца обѣда.

Черезъ недѣлю, совсѣмъ неожиданно, молодой лаборантъ Винтеръ, который зналъ о страстной любви Константина Ивановича къ природѣ, письменно отрекомендовалъ его въ качествѣ постояннаго учителя въ богатую помѣщичью семью. Заниматься нужно было съ двумя барышнями, пятнадцатилѣтней и тринадцатилѣтней, по русскому языку, по географіи, по математикѣ и по исторіи. Обѣ онѣ учились дома и, какъ говорилъ Винтеръ, были способныя, а плату можно было ожидать не меньше пятидесяти рублей въ мѣсяцъ. Фамилія барышень была Орѣховы и жили онѣ зимой съ матерью, на одной изъ лучшихъ улицъ въ собственномъ домѣ, а лѣтомъ, до сентябрю, у себя въ имѣніи. Явиться туда слѣдовало въ началѣ іюня, какъ разъ когда должны были окончиться экзамены.

Константинъ Ивановичъ будто опьянѣлъ отъ радости. Волнуясь и задыхаясь, онъ сейчасъ же побѣжалъ разсказать объ этомъ самому близкому для него человѣку, студенту третьяго курса Кальнишевскому. Кальнишевскаго онъ засталъ маявшимся взадъ и впередъ по своей убогой комнатѣ, съ давно потухшимъ окуркомъ, прилипшимъ къ нижней губѣ. Выслушавъ Константина Ивановича, онъ остановился и сказалъ:

— Да, тебѣ здорово повезло! Вотъ мнѣ бы такъ; а то, ей-Богу, кажется, придется заняться какимъ-нибудь отхожимъ промысломъ. Ни одного даже поганенькаго урока не наклеивается. Думаю на каникулярное время устроиться въ бакалейную лавку въ качествѣ приказчика, ей-Богу! А что-жъ? Тамъ разныя закуски... Можно брать обрѣзки ветчины домой; буду ѣсть лучше, чѣмъ ты у своихъ пановъ...

Константину Ивановичу стало жаль товарища и онъ обѣщалъ ему занять денегъ изъ первой же полочки.

— Не откажусь, — сказалъ Кальнишевскій и снова зажегъ свой окурочекъ.

Низенькій, крѣпенькій, въ застегнутой до верху, не всегда чистой тужуркѣ, Кальнишевскій въ университетѣ говорилъ рѣдко, и только по серьезнымъ поводамъ. Слова его шли плавно и толково. Въ „курулѣ“ его любили слушать.

Константинъ Ивановичъ увлекся Кальнишевскимъ съ первой же встрѣчи и потомъ гордился своею близостью съ нимъ, какъ гордятся гимназисты знакомствомъ съ очень извѣстнымъ человѣкомъ. Онъ часто удивлялся выносливости Кальнишевскаго, который третій годъ жилъ одними уроками, безъ стипендіи и безъ всякой посторонней помощи, и никогда не хандрилъ, а въ будущее глядѣлъ спокойно. Круглолицый, смуглый, съ плохо выбритыми, немного синеватыми щеками, онъ никогда не смотрѣлъ на того, кто его слушалъ, а въ сторону или въ землю. Если онъ сердился, то широкія ноздри его некрасиваго носа раздувались, и за это его дразнили киргизскою лошадыо. Звали Кальнишевскаго Зиновій Григорьевичъ. Барышнямъ это имя не нравилось. Въ

присутствіи женщинъ онъ молчалъ или говорилъ только по необходимости и успѣха у нихъ никогда не имѣлъ.

Константинъ Ивановичъ ушелъ отъ Кальнишевскаго такимъ же веселымъ. Съ каждымъ днемъ настроеніе подымалось. Отъ отца и сестры онъ почему-то хранилъ свою тайну объ урокѣ, и отъ этого она была еще слаще. Всѣ экзамены сходили отлично.

II.

Второго іюня, за три дня до тѣхъ поръ, какъ нужно было уже пойти къ Орѣховымъ, сестра Таня вернулась изъ города особенно оживленной. Не снимая верхней кофточки, она пролетѣла въ кабинетъ къ отцу и оттуда вышла не скоро, но еще болѣе взволнованной и радостной.

Одѣтая во все новое, съ краснымъ перомъ на огромной соломенной шляпѣ, она была похожа на шансонетную пѣвицу, и пахло отъ нея приторными духами.

— Слушай, Костя, слушай, — заговорила она, положивъ обѣ руки на плечи брату: — у меня къ тебѣ большая, огромная просьба.

— Ну?

— Будь у меня шаферомъ.

— Ты развѣ выходишь замужъ?

— Ну, конечно, какой глупый...

— За кого?

— За Жоржика Аристархова.

Константинъ Ивановичъ нахмурился. Аристарховъ былъ помощникомъ начальника станціи. Мало интеллигентный, гладенько всегда причесанный, съ завитыми усами, онъ былъ похожъ на парикмахера, и гребешокъ даже у него всегда торчалъ изъ бокового кармана. Говорили, что онъ беретъ взятки за доставленіе мѣстъ сторожамъ и стрѣлочникамъ.

Константинъ Ивановичъ почему-то представлялъ себѣ будущаго мужа сестры человѣкомъ умнымъ и серьезнымъ, который перевоспитаеъ Таню, а для него будетъ близкимъ другомъ. И теперь эта новость его не обрадовала. Онъ вспомнилъ, какъ Таня говорила за обѣдомъ о томъ, что хорошо жить на большой станціи, и понялъ, что любовь ея къ Аристархову существовала уже давно, и отецъ объ этомъ зналъ, но оба они отъ него это скрывали, какъ отъ чужого, который не сумѣлъ бы раздѣлить ихъ радости.

— Ну, нечего дуться, — опять зашебетала Таня. — Ты навѣрное думаешь, что Жоржинька получаетъ мало жалованья и поэтому мы будемъ несчастливѣе, такъ очень даже ошибаешься. Онъ назначенъ агентомъ движенія (она выговаривала агентомъ) на „Узловую“. Правда, немножко далеко отъ папы, но зато какая станція, лучше всякаго Петербурга. Тысяча восемьсотъ и квартира... Ага, ага... Ну, такъ говори, будешь шаферомъ, будешь?..

— Отчего же, буду.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Настоящее?

— Настоящее. Не люблю я этого. Сказалъ — буду, такъ ужъ значить буду и безъ всякихъ словъ.

— Вотъ и отлично. Еще просьба, голубчикъ, душенька, пожалуйста, надѣнь парадный мундиръ и со шпагой, ну, однимъ словомъ, все какъ слѣдуетъ, и со значкомъ.

— Значокъ носить только уже получившіе дипломъ.

— Ахъ, я и не знала, ну все равно, смотри же непременно достань у кого-нибудь мундиръ.

— Это можно. Хотя, вотъ что, когда же свадьба? Мнѣ нужно ѣхать на урокъ, — далеко.

— И мнѣ нужно ѣхать еще подальше твоего и надолго, можетъ — на всю жизнь.

Она сдѣлала грустную физиономію, помолчала, снова улыбнулась и добавила:

— Вѣнчаться мы, кажется, будемъ девятого іюля.

— Въ такомъ случаѣ я не могу.

— Такъ чудака же ты, вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ вѣнчаться въ Петровъ постъ. Нѣтъ, нѣтъ, теперь уже не отвиливай. Дай слово, такъ и конецъ, конецъ...

Константинъ Ивановичъ почувствовалъ, что блѣднѣетъ и на лбу у него стало холодно, точно сквознякъ пробѣжалъ. Вмѣсто того, чтобы объясниться дальше, овладѣвъ собой, онъ вдругъ со злобой въ голосѣ спросилъ:

— Зачѣмъ ты себѣ купила такую шляпу?

— А тебѣ не нравится?

— Не нравится... и духи у тебя какіе-то злостные.

— Ничего ты не понимаешь. За шляпу я заплатила девятнадцать рублей, а духи мнѣ вчера купилъ въ подарокъ самъ папа, ажъ за шесть рублей флаконъ. Ага!

Таня оттопырила нижнюю губку, повернулась на одномъ каблукѣ, засмѣялась и, шумя юбками, побѣжала въ свою комнату переодеваться.

Цѣлый вечеръ Константинъ Ивановичъ собирался сказать сестрѣ, что отказывается быть шаферомъ, такъ какъ провести лѣто въ деревнѣ для него очень важно. Онъ даже обдумалъ всѣ выраженія, въ которыхъ изложить, что нарушить слово въ такомъ случаѣ не безчестно, но такъ и не собрался войти къ ней въ комнату, а надѣлъ фуражку и пошелъ къ Кальнишевскому.

На улицѣ была тихая лунная ночь. Будто осыпанные по краямъ блестками, тополи замерли на синемъ фонѣ небесъ. Извозчики не гремѣли, и слышно было, какъ въ университетскомъ саду шелкалъ соловей.

Въ первый разъ въ жизни Константинъ Ивановичъ не думалъ о томъ, какъ все вокругъ красиво и полно глубокаго смысла.

Кальнишевскій, противъ своего обыкновенія, не ждалъ, когда Константинъ Ивановичъ заговоритъ, а началъ первый:

— Слушай, братъ, если можешь, одолжи карбованецъ, а то совсѣмъ плохо приходится. Во-вторыхъ, отчего у тебя такой растерянный видъ, и ты такъ дышишь, будто за тобою гнались собаки?

— Шелъ скоро, — сказалъ Константинъ Ивановичъ, доставая изъ кармана кошелекъ.

Немного отдышавшись, онъ разсказалъ весь свой сегоднешній разговоръ съ сестрой и умоляюще поднявъ глаза, спросилъ, что ему дѣлать.

Кальнишевскій пощипалъ себя за кончикъ носа, пошевелилъ ноздрями и не сразу отвѣтилъ.

— Да, — началъ онъ: — женская пустота часто рождаетъ весьма серьезные положенія. Я знаю твою сестру, — ей не втолкуешь. На попятный тоже не стоитъ. Въ общемъ не хорошо, но не непоправимо. Исхода есть два. Отправиться къ Орѣховымъ, а на свадьбу пріѣхать. Оно, конечно, тоже не совсѣмъ ловко, такъ скоро и въ отпускъ проситься. Второй исходъ: передай ты этотъ урокъ пока мнѣ. Я до осени продержусь тамъ, кое-что заработаю, а на зиму возвращу тебѣ дѣвицу. Согласенъ?

Константинъ Ивановичъ тяжело вздохнулъ и какъ-то уныло отвѣтилъ:

— Согласенъ. А какъ же деревня?

— Деревня не убѣжитъ, у тебя еще много времени впереди, а мнѣ университетъ кончать нужно. Только ты, ради Бога, дѣлай это просто, а не приноси жертву. Твой родитель получаетъ что-то больше двухъ тысячъ на троихъ, а я на одного себя за годъ и пятисотъ рублей не выработалъ. Нужно, значить, только зайти предварительно къ Винтеру и объяснить, въ чемъ дѣло. Онъ нѣмцъ добрый, сейчасъ же устроитъ рекомендацію и мнѣ. Ладно?

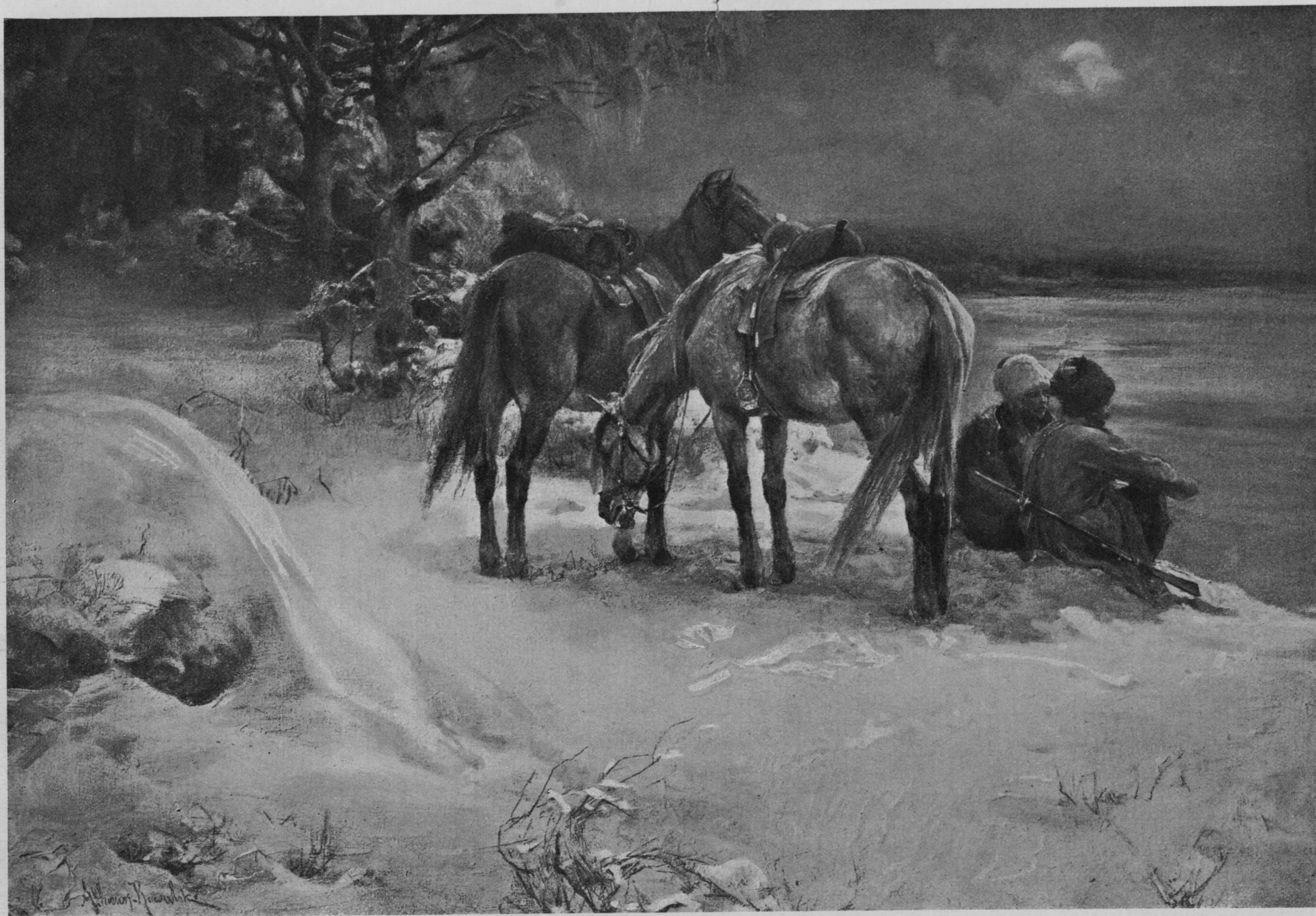
— Ладно.

Константинъ Ивановичъ плохо спалъ въ эту ночь. Онъ утѣшалъ себя мыслью, что выручилъ такого хорошаго человѣка, какъ Кальнишевскій, но сердце все же ныло. Такъ чувствовалось цѣлую недѣлю. Стало чуть легче, когда Кальнишевскій уже уѣхалъ къ Орѣховымъ.

Наступило жаркое, безнадежное городское лѣто, съ

Засѣданіе сейма въ Варшавѣ въ 1773 г. Картина Яна Матейко.

Казачій разъѣздъ. Картина А. Вѣрушъ-Ковальскаго.

крикомъ разносчиковъ, съ грохотомъ телѣгъ по мостовой, со свистками городскихъ по ночамъ. Иногда на душѣ подымалась невольная, тяжелая злоба и противъ Тани, и противъ постоянно ворчавшаго отца. Не хотѣлось даже ходить въ университетскій садъ, и листья на его деревьяхъ казались пыльными, а гулявшія тамъ съ дѣтьми няньки—все съ глупыми лицами. Отъ скуки, Константинъ Ивановичъ по цѣлымъ днямъ лежалъ на кровати и перечитывалъ старые журналы, когда же не читалось, наблюдалъ за Таней и думалъ о томъ, что она называла „счастьемъ“.

Ни разу, до самаго дня свадьбы, онъ не замѣтилъ въ ней грусти о томъ, что она покидаетъ отца и брата. Глядя на суету Тани и слушая ея быстрый, вѣчно вертѣвшійся на практическихъ темахъ разговоръ, онъ пришелъ къ заключенію, что для такой женщины, какъ только рѣшенъ вопросъ о ея принадлежности мужчине, который ей нравится, — уже не существуетъ ни родины, ни природы, ни искусства, ни любимыхъ людей, ни книгъ, и что въ этомъ ея сила, и въ этомъ же ея ничтожество.

Какъ-то вечеромъ, по настоянію отца, пришлось побывать въ семьѣ Аристарховыхъ. Потомъ, черезъ нѣсколько дней, Таня попросила его снести туда записку. Въ этотъ разъ онъ едва вырвался. Его оставили обѣдать, и за обѣдомъ было выпито больше, чѣмъ слѣдуетъ. Въ концѣ концовъ Константинъ Ивановичъ выпилъ съ Жоржемъ на брудершафтъ, цѣловался съ нимъ и чувствовалъ на своей физиономіи его нафабренные фиксатуаромъ усы, а его сестра—уже пожилая дѣвица Тася, и ея мать въ это время звонили въ стаканы и кричали „ура“. Послѣ обѣда пили кофе со сливками и говорили о томъ, какъ хорошо, что будущую жену Жоржика зовутъ Таня, а сестру — Тася. Черезъ нѣсколько недѣль весь строй семьи Аристарховыхъ сталъ для него понятенъ. При чужихъ тамъ ѣли и пили на бѣлой скатерти, изъ дорогого, хотя и грубо размазаннаго сервиза, и одѣты все были опрятно. Когда же были только свои, то ѣли изъ той самой посуды, въ которой пища варилась; мать Аристархова и Тася ходили въ грязныхъ фланелевыхъ блузахъ и въ стоптанныхъ, надѣтыхъ на босую ногу, парусиновыхъ туфляхъ. Изъ кушаній тамъ любили больше всего борщъ съ бараниной и гуся съ капустой, а на сладкое подавались орѣхи на стеклянномъ блюдечкѣ со щипчиками сбоку, затѣмъ леденцы въ бумажкахъ, нѣсколько яблокъ и всегда одинъ апельсинъ, котораго никто не бралъ. Ничего и никогда тамъ не читали. И нельзя было разобрать—богатые они или бѣдные. Мать Аристархова часто говорила о какихъ-то процентахъ, купонахъ и векселяхъ.

Теперь Константинъ Ивановичъ съ нетерпѣніемъ ждалъ дня свадьбы. Казалось, что послѣ отъѣзда молодыхъ онъ снова встряхнется, и тогда его существованіе станетъ осмысленнѣе и чище.

Часто онъ старался представить себѣ, какъ живетъ и что чувствуетъ Кальнишевскій въ имѣніи Орѣховыхъ, и не могъ, — въ головѣ рисовались картины, непохожія на дѣйствительность.

III.

Вѣнчаніе было назначено въ три часа. День выдался знойный, и у Константина Ивановича ныло въ вискахъ. Предстояло много дѣла. Нужно было побывать у священника, въ городѣ и потомъ отвезти Аристархову забытые имъ галстуки и перчатки.

Жоржъ сидѣлъ въ сорочкѣ и брюкахъ за столомъ и что-то писалъ.

— Вотъ спасибо,—сказалъ онъ, обернувшись:—а то послать некого, самому въ этотъ день быть у васъ не полагается, а безъ галстука никакъ невозможно, пришлось бы новый покупать...

Жоржъ всталъ и поцѣловалъ Константина Ивановича въ губы. Опять запахло фиксагуромъ.

— Что это ты, еще кому-нибудь приглашеніе пишешь?

— Нѣтъ, такъ, ликвидирую нѣкоторыя дѣла.

Константинъ Ивановичъ подошелъ къ столу и, замѣтивъ, что на одномъ конвертѣ было написано: „Его Высокоблагородію“, а на другомъ: „Милостивому Государю“, спросилъ, зачѣмъ это такъ.

Аристарховъ засмѣялся и погладилъ усы.

— А видишь ли, это одному таксатору, все-таки онъ землемѣрное училище окончилъ, ну ему—„высокоблагородію“, а второе письмо жиду, и весьма богатому, безъ титула неудобно, такъ я ему и вклеилъ „милостиваго государя“.

„И съ такимъ человѣкомъ Таня будетъ жить, каждый день, до самой своей смерти!“—подумалъ Константинъ Ивановичъ. Наскоро попрощавшись, онъ пошелъ домой. Въ половинѣ второго нужно было переодѣться и еще съѣздить за букетомъ.

Едва поворачиваясь въ чужомъ мундирѣ, съ высокимъ кованымъ воротникомъ, Константинъ Ивановичъ поминутно вытиралъ платкомъ лобъ и тяжело вздыхалъ.

Настоящія же мученія начались съ того, что онъ расписался въ книгѣ для брачующихся не въ той графѣ, гдѣ нужно, чѣмъ очень разсердилъ дьякона. Потомъ онъ снова принялся писать и чуть не разорвалъ всю страницу,—перо было старое и расплющенное, въ родѣ тѣхъ, которыми даютъ расписываться на почтѣ.

Свадьба вышла шумная, хотя и безъ музыки, но съ длиннѣйшимъ обѣдомъ. Постоянно произносили тосты и кричали „горько“. Отъ голосовъ и шума у Константина Ивановича еще сильнѣе болѣло въ вискахъ. Ему казалось, что все закуски пахнутъ жостью, а осетрина облита машиннымъ масломъ. Онъ ничего не пилъ, боясь, что его стошнитъ, а Таня, вся въ бѣломъ, тянулась къ нему черезъ столъ съ бокаломъ и кричала:

— Стыдно, Костя, стыдно!.. Въ такой день и не хочешь выпить за мое здоровье. А когда ты будешь жениться, я за твое выпью... А ты скоро женишься,—вотъ посмотришь, у меня есть предчувствіе. Ты хорошенькій блондинчикъ и въ мундирѣ похожъ на какого-нибудь князька... Такъ не хочешь выпить за мое здоровье? Ну, значить, не любишь.

— Да нѣтъ же, я...

— Не любишь, не любишь! — и голосъ ея звенѣлъ, точно крикъ цесарки.

На вокзалѣ снова пили шампанское, подносили букеты, а когда поѣздъ тронулся, заголосили нестройное „ура“. Отецъ тоже кричалъ до хрипоты и долго не хотѣлъ уѣзжать съ вокзала. Дома старика разобрало. Онъ сѣлъ за столъ, облокотился обѣими руками на залитую липкими ликерами и виномъ скатерть и заплакалъ, приговаривая:

— Улетѣла наша птичка, улетѣла наша касаточка, остался я, Костыка, съ тобой дуракомъ...

Свадьба сестры не встряхнула Константина Ивановича. Послѣ всего этого шума въ головѣ осталось что-то въ родѣ огромнаго презрѣнія къ людямъ, производившимъ его, и тянуло куда-то въ иное общество.

Товарищи все разѣхались. Урока не находилось, да и не хотѣлось находить,—будто на зло судьбѣ за то, что не пришлось поѣхать къ Орѣховымъ въ деревню. Скверно чувствовалось и безъ денегъ, а просить ихъ у отца было неловко и страшно,—еще обругается.

Старикъ, возвратившись со службы, читалъ длинную проповѣдь о бездѣльѣ студентовъ и о неблагодарности дѣтей вообще. Онъ сильно скучалъ безъ Тани.

Константинъ Ивановичъ равнодушно выслушивалъ его воркотню и только краснѣлъ, когда отецъ начиналъ ставить ему въ примѣръ Аристархова.

Получилось очень коротенькое письмо отъ Кальнишевскаго, въ которомъ онъ просилъ выслать учебникъ географіи, „Азія, Африка и Америка“ и писалъ, что скучаетъ. Константинъ Ивановичъ опять началъ бывать

въ городскомъ саду. Но, разлѣнившись за этотъ мѣсяцъ, онъ уже не могъ заставить себя проснуться рано и отправлялся на прогулку только передъ вечеромъ.

Уже темнѣло, а онъ все сидѣлъ неподвижно на одной и той же скамейкѣ. Деревья скрывали солнце, но вѣрнымъ признакомъ того, что оно уже низко, было неумолкаемое „живканье“ воробьевъ. Они такъ же радостно провозжали свѣтъ, какъ и встрѣчали его утромъ. Иногда видно было, какъ къ дереву крался рыжій толстый котъ и, ежесекундно останавливаясь, ударялъ легонько хвостомъ по травѣ. Компанія крикуновъ вдругъ умолкала, точно хоръ пѣвчихъ по знаку регента. Затѣмъ весь воробьиный народъ съ шумомъ перелеталъ на другое дерево, и тамъ снова раздавалось радостное: „жив... жив... жив...“ На верхнихъ вѣтвяхъ начиналъ играть ярко-оранжевый свѣтъ, и сухіе листья казались совсѣмъ красными, а потомъ золотыми. Минутъ черезъ двадцать умолкали и воробьи. Стволы и листья темнѣли и особенно рѣзко выдѣлялись на свѣтло-зеленомъ фонѣ неба. Становилось сыровато. Но Константину Ивановичу не хотѣлось уходить и особенно хорошо думалось и о себѣ, и о жизни всѣхъ обыкновенныхъ людей.

Ужасной ему казалась обязательность для большинства даже и смерти, по извѣстному шаблону. Какъ-то, очень ясно, онъ вспомнилъ похороны своей матери. Она была классной дамой въ епархіальномъ училищѣ и умерла осенью, четыре года назадъ. За катафалкомъ шли ученицы и весь преподавательскій составъ. Надъ могилой одинъ изъ учителей захотѣлъ произнести „слово“. Во время его рѣчи Константину Ивановичу было особенно больно. Онъ слышалъ, какъ по дорогѣ къ кладбищу тотъ же учитель говорилъ начальницѣ:

— Очень хорошо вышло, что вакансія освободилась не зимой, а въ самомъ началѣ учебнаго года, и на нее можно будетъ устроить не Вильчинскую, потому что она еще не вернулась съ каникулъ, а Ласкину, за которую просилъ преосвященный.

И всѣ хорошія слова, которыя потомъ произносилъ учитель возлѣ не опущеннаго еще въ яму гроба, — казались Константину Ивановичу оскорбительными для памяти покойной.

Лѣто все тянулось, — точно это была и не жизнь, а безконечная ходьба по вязкому болоту. Иногда разбирала злость на Кальнишевскаго за рѣдкія и безсодержательныя письма.

Отецъ почти не разговаривалъ, и это было пріятно. Поздно вечеромъ, когда на столѣ шумѣлъ самоваръ, случалось, что прибѣгала мать Аристархова и приносила письмо отъ Жоржа и Тани, — молодые сообщали самымъ подробнымъ образомъ, какъ они устроились и какую приобрѣли мебель. Прочитавъ письмо нѣсколько разъ, старики на время умолкали. Потомъ слышался звонъ чайной ложечки о стаканъ и шопотъ Аристарховой: „купоны, талоны, билеты, проценты...“

IV.

Наступилъ сентябрь. Студенты уже записывались на третій семестръ, но лекціи еще не начались. Кальнишевскій не пріѣзжалъ и не писалъ. Было очень скучно. Константину Ивановичу иногда думалось, что если бы деньги, то отъ такой жизни не грѣшно было бы и напиться, и надѣлать всякихъ гадостей.

Подъ праздникъ Воздвиженія отецъ ушелъ въ цер-

ковь. Константинъ Ивановичъ сидѣлъ въ столовой одинъ и читалъ газету. Возлѣ иконы легонько потрескивалъ въ фіолетовомъ стаканчикѣ огонекъ лампадки. Слышно было, какъ въ сосѣдней квартирѣ капризничалъ ребенокъ. Въ передней вдругъ позвонили. Константинъ Ивановичъ лѣниво всталъ и пошелъ отворять дверь. Потянувъ за ея ручку, онъ почти столкнулся съ запыхавшимся лицомъ Кальнишевскаго и такъ обрадовался, что ничего не могъ сказать, а только улыбался. Кальнишевскій, стуча ногами, затоптался на одномъ мѣстѣ и, вернувшись рукавъ, снялъ лѣтнее пальто, а потомъ самъ засмѣялся и сказалъ:

— Ну, здравствуй...

Его черные волосы сильно отросли, а все лицо стало темно-коричневымъ и только лобъ казался неестественно бѣлымъ. Губы уже сомкнулись въ серьезное выраженіе, а глаза еще смѣялись.

— Здравствуй, здравствуй, — отвѣтилъ Константинъ Ивановичъ. — Вотъ, братъ, не ожидалъ. Хм... Да... Ну, пойдемъ же въ комнату.

— Пойдемъ, хотя я на минутку.

— Какъ это можно, столько времени не видались, и на минутку...

— Пожалуйста не-сентиментальничать, — отвѣтилъ Кальнишевскій и грузно сѣлъ на диванъ. — Я, собственно говоря, часъ какъ съ вокзала, и у меня еще отъ поѣзда трещить голова. Затѣмъ согласись, что я могъ бы придти и завтра, а вотъ видишь, явился сегодня...

— Цѣню, цѣню. Ну, рассказывай, какъ жилось?

— Жилось?.. Жилось отчасти хорошо, отчасти плохо, — произнесъ Кальнишевскій, дѣлая сильное удареніе на буквѣ „о“. — Пой, нужно сначала закурить.

Онъ вынулъ жестяную коробочку, свернулъ папиросу и, не подымаясь съ дивана, зажегъ ее на лампѣ. Руки у него тоже были загорѣлыя, волосатыя и немного дрожали. Выпустивъ первую затяжку дыма, онъ снова заговорилъ:

— Насчетъ ѣды, природы и всякихъ прогулокъ — великолѣпно, что же касается, такъ сказать, пищи духовной, то чуть съ голоду не померъ. Но не въ этомъ дѣло. Видишь ли, я Ольгѣ Павловнѣ — значить, самой madame — сказалъ, что могу заниматься только до перваго октября, а тамъ въ исправленіе моей должности вступить тотъ самый студентъ, который по иниціативѣ Винтера предполагался раньше — значить, ты. Ну, она ничего противъ не имѣетъ. Надѣюсь и ты ничего?

— Конечно.

Константинъ Ивановичъ снова почувствовалъ, какъ его сердце зачастило.

— Ну, ну, дальше?

— Дальше? Дальше съ дѣвицами будешь заниматься ты, а я, къ моей великой радости, — нѣтъ.

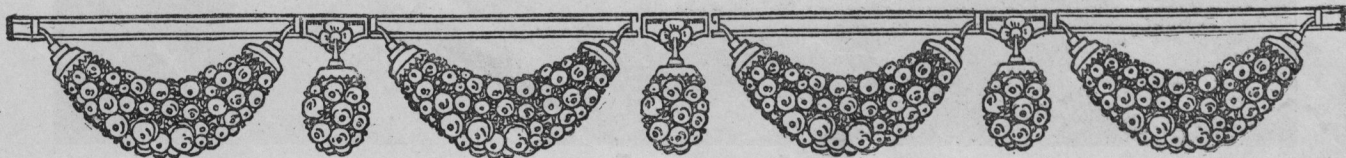
— Чѣмъ же ты, собственно говоря, былъ недоволенъ? Съ родителями поссорился, или дѣвицы очень уже не симпатичныя, или одиночество заѣло?

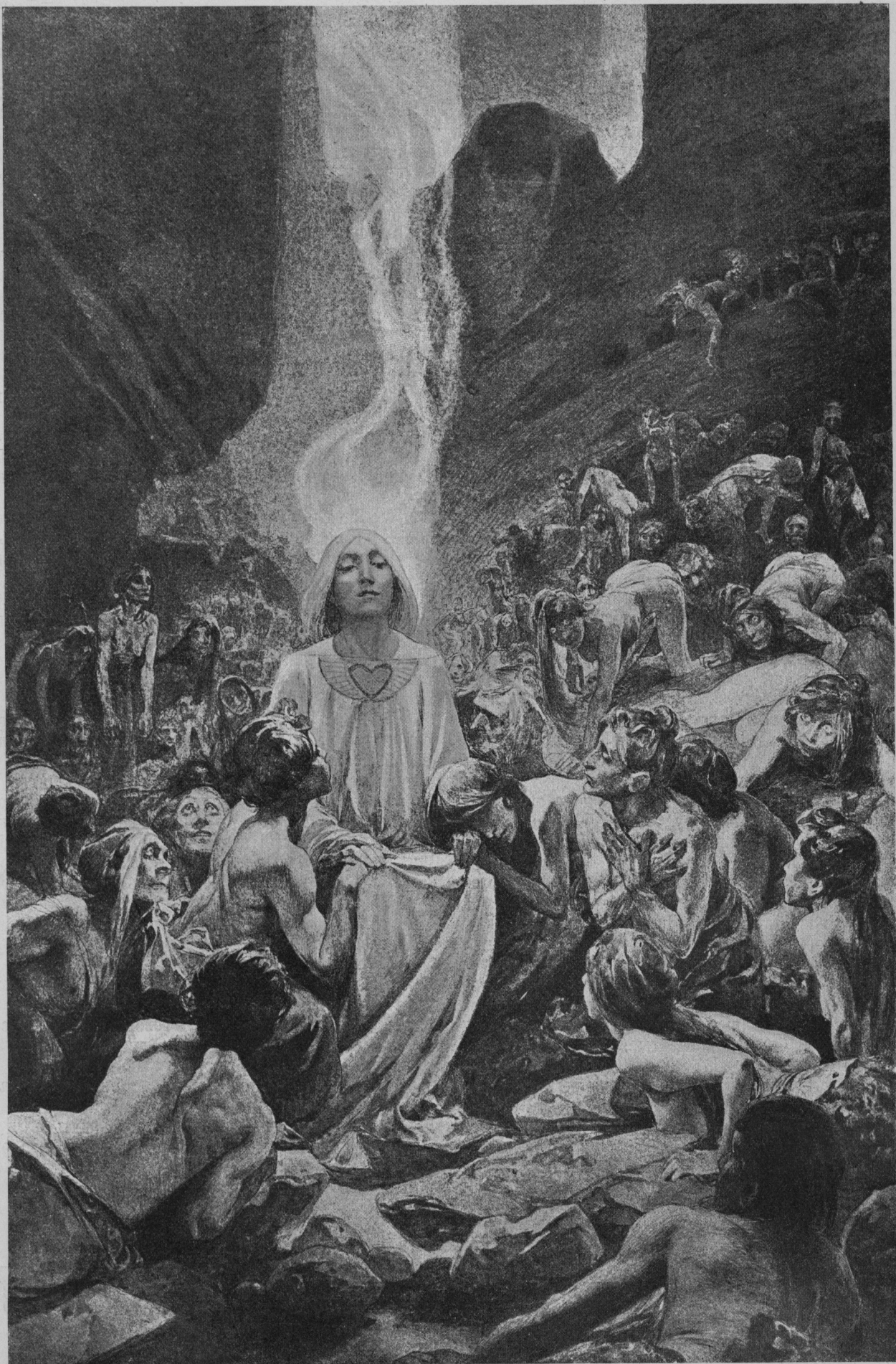
— Ни того, ни другого, ни третьяго. Одиночества иной разъ даже хотѣлось, но это было недостижимо.

Константинъ Ивановичъ начиналъ сердиться.

— Да расскажи ты все, какъ слѣдуетъ, что они за люди, какихъ взглядовъ, какъ живутъ? А то плетешь! Я вѣдь какъ тебя ждалъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Да приїдець царствіє Твое“. Композиція А. Мухи.

Новый Годъ.

Средь ужасовъ неслыханныхъ сражений,
Въ кровавой мглѣ, въ чаду лихихъ невзгодъ
Рождается вѣковъ крылатый геній—
Младенецъ-Новый годъ.

Мы собрались, какъ встарь, семьею тѣсной...
Ужъ полночь бьетъ... Его рожденья ждемъ.
Но грустно намъ, и въ этотъ часъ чудесный
Мы пѣсенъ не поемъ.

И не шипятъ, какъ встарь, съ виномъ бокалы:
Мы не хотимъ, чтобъ пѣнилось оно
Въ такіе дни, когда вся Русь впитала
Кровавое вино!

И безъ того мы прикоснулись къ чашѣ,
Наполненной тѣмъ роковымъ виномъ,

И пили мы съ тоской страданье наше,
Да и донинѣ пьемъ!

Нѣтъ! Въ этотъ часъ хотѣлъ бы я молиться
И слезы лить и на колѣни пасть
И звать для тѣхъ, кто снова жаждетъ биться,
Любви и мира власть!

Ужели вновь возстанетъ братъ на брата,
И грянетъ бой, и вновь польется кровь?
О, Новый годъ! Враждою Русь объята...
Зови же къ ней любовь!

Довольно слезъ, и крови, и страданій!
Мы жить хотимъ для творческихъ заботъ—
Спаси же насъ отъ новыхъ испытаній,
Младенецъ Новый годъ!..

Григорій Жегулевъ.

Страшная книга.

Новогодній рассказъ Б. П. Никонова.

Подъ Новый годъ у Лялиныхъ была елка. Мы, взрослые, достаточно потѣшивъ ребятъ и повозившись съ ними, стали потомъ тѣшиться сами. Когда пробило девять часовъ, и дѣти, получивъ подарки, отравились, кто спать, кто по домамъ, мы—пожилые люди и взрослая молодежь—услыши тѣснымъ кружкомъ въ гостиной и, чтобы скоротать время до полуночи, стали по очереди рассказывать страшныя исторіи.

— Вотъ со мной въ жизни былъ одинъ разъ воистину святочный случай: и страшный и фантастическій,—произнесъ адвокатъ Голыбинъ:—такое удивительное совпаденіе случилось, что даже какъ-то не хочется объяснять его просто случайностью. Вы, я думаю, слышали о разныхъ странныхъ психическихъ явленіяхъ: вѣщяхъ снахъ, телепатіи, двойномъ «я» и т. п. Ну, такъ со мной случилось что-то въ родѣ этого.

Голыбинъ съ минуту помолчалъ.

— Надо вамъ сказать,—началъ онъ свой рассказъ:—что я выросъ и жилъ неразлучно съ моей сестрой, Вѣрой Николаевной. Но въ описываемое время она вышла замужъ за горнаго инженера Алтуховскаго и уѣхала съ нимъ на одинъ изъ уральскихъ заводовъ. А я остался у себя, на югѣ, гдѣ я служилъ тогда судебнымъ слѣдователемъ.

Мнѣ было невыразимо тоскливо безъ сестры, и, понятно, я страшно обрадовался, когда чрезъ годъ получилъ возможность съѣздить повидаться съ ней. Я выбралъ для этого святочное время и рассчитывалъ попасть къ Алтуховскимъ подъ самый новый годъ. Такъ выходило по желѣзнодорожному расписанію. Но затрудненіе было въ томъ, что отъ желѣзнодорожной станціи нужно было еще ѣхать верстъ пятьдесятъ на лошадахъ. И вотъ это-то обстоятельство спутало всѣ мои расчеты.

Я благополучно добрался до этой станціи и высадился на ней 31-го декабря, часа въ три или четыре вечера. Было сравнительно еще рано, и если бы попались хорошія лошади, то я поспѣлъ бы на заводъ къ 10—11 часамъ.

Но на мое горе разыгралась ужасная метель. Когда я вышелъ изъ вагона, вѣтеръ, буквально, рвалъ и металъ. Въ воздухѣ была какая-то живая бѣлая мгла, ослѣплявшая, не дававшая дышать. Даже перронъ на станціи былъ весь занесенъ снѣгомъ, такъ что я увязъ почти по колѣна въ снѣгу, выйдя изъ вагона.

Ѣхать на лошадахъ въ такую погоду было невозможно!

— Нельзя ли у васъ пріютиться тутъ гдѣ-нибудь?—спросилъ я начальника станціи, не видя, гдѣ бы приткнуться: станція, повидому, недавно сгорѣла; вмѣсто обычныхъ зданій уныло торчали какія-то развалины, а станціонныя службы помѣщались въ деревянныхъ баракахъ.

— Вамъ переночевать?—спросилъ онъ:—есть у насъ помѣщеніе, да вамъ, пожалуй, не понравится.

Онъ закутался въ доху и повелъ меня по двору. Я еле-еле двигался по огромнымъ сугробамъ, почти ничего не видя у себя подъ носомъ отъ свистѣвшей снѣжной мглы. Наконецъ, мы остановились у низкаго одноэтажнаго деревяннаго строенія, совершенно черного отъ сырости и ветхости.

— Вотъ, тутъ у насъ иногда ночуютъ проѣзжающіе!—промолвилъ мой проводникъ, съ трудомъ отдирая занесенную снѣгомъ

дверь:—здѣсь прежде была станціонная квартира, когда еще желѣзной дороги не существовало.

Мы вошли въ какую-то душную тѣму.

— Только ужъ очень здѣсь неважно!—продолжалъ начальникъ станціи, ощупывая въ темнотѣ другую дверь:—совсѣмъ скверно, не знаю, право, какъ и быть? Если ужъ вамъ тутъ очень противно покажется, то можно, пожалуй, къ батюшкѣ, а то къ становому. Становой—тотъ даже съ великимъ удовольствіемъ пустить... потому что вы—слѣдователь!

— Ну, зачѣмъ же беспокоить ихъ?—возразилъ я:—чѣмъ здѣсь плохо! Всего только одну ночь переночевать!

— Какъ угодно!

Дверь, наконецъ, была найдена, и мы вошли въ комнату. Меня охватилъ непріятный, спертый и прокислый запахъ.

Разбуженный нами сторожъ зажегъ лампу, затопилъ печь и поставилъ самоваръ.

Начальникъ станціи ушелъ, а я остался съ Василиемъ (такъ звали сторожа) одинъ-на-одинъ въ мрачной и, надо сказать правду, дѣйствительно, противной комнатѣ.

Комната была просторная и обставлена съ претензіями на удобство, но отъ нея вѣяло какой-то непередаваемой гиблостью, какою-то мертвечиной и нежитью.

Стѣны были оклеены потемнѣвшими, рванными и засиженными мухами обоями. Меблировка состояла изъ темнаго дивана съ ситцевой обивкой, такихъ же стульевъ и двухъ-трехъ столиковъ въ углахъ комнаты. Все это было грязное, загаженное, пропитанное наслоеніями многолѣтнихъ слѣдовъ, которые оставляють за собою нечистоплотные люди. Эта комната была какъ бы щель, въ которой скопилась и осталась невычищенная мерзость старыхъ до-реформенныхъ годовъ, когда здѣсь, въ станціонной квартирѣ, проѣзжающіе били по щекамъ смотрителей, а на окрестныхъ дорогахъ грабили и убивали проѣзжающихъ.

Предъ диваномъ стоялъ круглый столъ изъ числа тѣхъ, которые обыкновенно употребляются спиритами при вызываніи духовъ. На этомъ спиритическомъ столѣ Василій изготовилъ мнѣ чаепитіе, и я потомъ за этимъ чаепитіемъ часа два старательно убивалъ время.

Василій затѣмъ постлалъ мнѣ на диванѣ постель и, повозившись въ передней и подкинувъ въ печь дровъ, ушелъ.

Это былъ неразговорчивый и сумрачный мужикъ и со своей стороны нагналъ на меня непріятное чувство, такъ что я даже былъ радъ, когда онъ ушелъ. Но едва я остался въ одиночествѣ, на меня напала такая тоска, что я, какъ говорится, мѣста себѣ не могъ найти.

Спать не хотѣлось, дѣлать было нечего, а наружу выходить я тоже не испытывалъ желанія: ужъ очень свирѣствовала вьюга. Она завывала на всѣ голоса, хлопала какими-то воротами, кидала въ промерзлыя окна цѣлыя комки снѣга.

«Недурно встрѣчу я Новый годъ!—съ досадой подумалъ я:—вѣдь этакая, въ самомъ дѣлѣ, обίδα!»

Я сталъ думать о сестрѣ, но думы эти были нерадостныя. Меня почему-то стали все болѣе и болѣе преслѣдовать страшныя, зловѣщія мысли о ней.

Кровавые дни в Москвѣ. Послѣ бомбардировки дома Моск. торг.-строит. акц. общества (уголь Долгоруки. ул. и Лѣсного пер.). Пробитая снарядомъ стѣна въ квартирѣ № 37. По фот. Завадскаго.

Богъ вѣсть, почему, но мнѣ стало думать, что съ ней должно стрястись какое-то несчастье. Мнѣ стало казаться, что я уже не увижу ея въ живыхъ, что меня постигнетъ одинъ изъ тѣхъ злыхъ капризовъ судьбы, которые вдругъ разражаются надъ людьми въ такую минуту, когда все уже пошло на ладъ, когда близко свиданіе, близко исполненіе надежды. Мнѣ стало казаться, что сквозь снѣжный ураганъ, сквозь дикую бурю, ко мнѣ доносится тайный зовъ близкаго человѣка, съ которымъ творится что-то неладное... Этотъ зовъ, неощутимый для моего слуха, достигалъ до какихъ-то невѣдомыхъ фибръ моего существа, и я, хотя и смутно и неумѣло, но все же реагировалъ на него этими фибрами.

Я пытался всякими способами заглушить свою тоску. На одномъ изъ угольных столиковъ лежали двѣ-три засаленныхъ, старыхъ книги. Я сталъ разсматривать ихъ, и первая же изъ нихъ сразу приковала мое вниманіе, и, перелистывая ее, я испытывалъ странное, поразившее меня ощущеніе.

Нужно вамъ сказать, что въ дѣтствѣ я одно время очень боялся иллюстрацій. Объяснялось это тѣмъ, что я когда-то въ какомъ-то журналѣ увидѣлъ какія-то страшныя, поразившія мое воображеніе, картинки.

Вслѣдствіе этого у меня даже сложилось странное и курьезное представленіе о какой-то мистической «страшной книгѣ», которая заключала въ себѣ какъ бы квинтэссенцію фанта-

стическихъ ужасовъ; книга эта существовала гдѣ-то въ пространствѣ и, какъ мнѣ представлялось, носилась за предѣлами земли.

Она часто являлась мнѣ во снѣ, и сны эти такъ были ужасны и такъ живы, что я до сихъ поръ помню ихъ. Обыкновенно, я сначала не догадывался, что предо мною, именно, та самая «страшная книга», и принимался во снѣ доверчиво перелистывать ее. Это было, какъ мнѣ казалось, ветхій, истрепанный томъ со старинными, плохо выполненными рисунками. Сперва шли рисунки простые и нестрашные; но чѣмъ далѣе я перелистывалъ книгу, тѣмъ ужаснѣе и фантастичнѣе становились они.

На нихъ были изображены какія-то подземелья, развалины, темные коридоры, старинные замки. Въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ на этихъ рисункахъ фигурировали какіе-то странные длинные люди съ факелами. Потомъ шли сцены какихъ-то убійствъ, злодѣяній, смертей. Длинные люди съ искаженными длинными лицами въ неестественныхъ деревянныхъ позахъ кого-то душили и рѣзали. Такіе же люди лѣзли въ какія-то высокія сводчатые окна. Въ темномъ углу неподвижно стояли призраки въ видѣ такихъ же длинныхъ тонкихъ людей... И самое страшное во всемъ этомъ было то, что все это была правда. Ужасъ, который вселяли въ меня эти картинки, шель crescendo; и вотъ мало-по-малу я начиналъ догадываться и подозревать, и, наконецъ, вдругъ, словно при вспышкѣ молніи, убѣждался, что предо мною — она — таинственная и невѣдомая «страшная книга»!

Это открытіе наполняло меня такимъ ужасомъ, что я кричалъ и просыпался въ холодномъ поту. Но каждый разъ, когда я видѣлъ во снѣ «страшную книгу», у меня было такое убѣжденіе, что самаго-то главнаго ужаса, таившагося въ ней, я такъ и не успѣлъ увидать...

Итакъ, вотъ, просматривая въ станціонной квартирѣ старую засаленную книгу, я вдругъ съ необыкновенной отчетливостью вспомнилъ эти дѣтскіе страхи. Истрепанный томъ какого-то не то журнала, не то альманаха сразу напомнилъ мнѣ мое старое жуткое представленіе о «страшной книгѣ»; что это былъ за журналъ, я не знаю. Я не обратилъ на это тогда вниманія. Скорѣе всего, это былъ какой-то специальный трактатъ, какія-то «Räuber geschichten»... Ужъ очень забористыя картинки тамъ были, все какія-то разбойничьи на паденія, подвалы, темные коридоры, люди съ факелами—и все

Кровавые дни въ Москвѣ. Въ квартирѣ Шугаева. Поврежденія, причиненныя разорвавшимся снарядомъ. По фот. Смирнова.

Кровавые дни въ Москвѣ. Одно изъ помѣщеній въ сгорѣвшемъ домѣ товарищества И. Д. Сытина. По фот. Смирнова.

это допотопное, грубо исполненное.

Одним словом, это была форменная «страшная книга» моих дѣтскихъ сновидѣній. И я откровенно скажу вамъ, что мнѣ стало жутко и неприятно, точно я какое-то привидѣніе увидѣлъ; словно мнѣ чортъ подсунулъ эту книгу, да притомъ еще въ такой моментъ, когда меня угнетала тоска, а на дворѣ завывала вьюга, и гдѣ-то въ темномъ пространствѣ міра рождался таинственный новый годъ — это странное, загадочное существо, приносящее съ собой надежды и ужасъ грядущаго, жизнь несуществующимъ и смерть живущимъ.

И тоска моя, и тревога за сестру все разрастались и разрастались, по мѣрѣ того, какъ я перелистывалъ эти «Raübergeschichten». Никакой вѣшной связи между страшными картинками и моею сестрою не было, но съ какою перевернутою страницей тай-

Кровавые дни въ Москвѣ. Сожженный домъ Громова, въ Пыховомъ пер. По фот. Смирнова.

Кровавые дни въ Москвѣ. Перевозка убитыхъ изъ полицейскихъ участковъ. По фот. Смирнова въ Москвѣ.

ныя фибры моего существа получали какой-то толчокъ, и я невольно переводилъ все это на языкъ моего сердца такъ: «съ Вѣрой плохо!.. Съ Вѣрой несчастье!..»

И какъ я ни старался унять свои расхолодавшиеся нервы, дѣтскій ужасъ все болѣе и болѣе охватывалъ меня, и, какъ въ дѣтствѣ, мнѣ вдругъ пришло въ голову, что въ «страшной книгѣ» таится какое-то особенно ужасное мѣсто, — ея центральнѣйшій пунктъ, и что я долженъ увидѣть его.

И, вотъ, слушайте, что случилось!

Мнѣ попался на глаза рисунокъ, изображающій вторженіе разбойниковъ въ домъ. Разбойники ворвались въ спальню, опрокинули стулья, выломали дверь. На полу у двери лежалъ трупъ женщины. Другая женщина съ испуган-

нымъ лицомъ приподнялась на кровати.

Рисунокъ былъ грубый, но лицо у этой женщины было изображено довольно явственными, характерными чертами. Оно сразу приковало мое вниманіе: я нашелъ въ немъ сходство съ лицомъ Вѣры.

И чѣмъ болѣе я смотрѣлъ на него, тѣмъ болѣе замѣчалъ это сходство. Что это было такое? Случайное совпаденіе типическихъ чертъ? Галлюцинація? Я не знаю. Благодаря моей нервной возбужденности, я, можетъ-быть, впалъ въ психическій трансъ, и видимый мною предметъ принялъ въ моемъ мозгу другой видъ, совпадавшій съ тѣмъ образомъ, съ тою руководящей, навязчивой идеею, которые овладѣли мною? Я читалъ гдѣ-то, что какіе-то моряки, спасшись съ разбитаго корабля, долго бѣдствовали на пустынномъ островѣ и все ждали помощи. И вотъ, однажды, они увидѣли корабль. Они ясно видѣли его паруса, снасти, даже людей различали. Но на самомъ дѣлѣ это

Кровавые дни въ Москвѣ. Пожаръ отъ разорвавшихся снарядовъ на Миусской площади, въ Пыховомъ переулкѣ. По фот. Завадскаго въ Москвѣ.

был не корабль, а пливший по водѣ стволъ дерева съ сучьями и вѣтками. Не то же ли самое случилось и со мною?

Но въ ту минуту я не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что это такое? У меня мелькнула мысль, что съ сестрой, положительно, случилось какое-то несчастье, и что нужно моментально, сію же минуту, ѣхать къ ней, несмотря ни на что! Иначе же я не застаю ея въ живыхъ!

Я посмотрѣлъ на часы.

Стрѣлка приближалась къ двѣнадцати. Черезъ нѣсколько минутъ долженъ былъ родиться Новый годъ.

Я торопливо собрался, одѣлся и, чувствуя дрожь во всемъ тѣлѣ и удары пульса въ вискѣ, вышелъ наружу.

На мое счастье мятель совершенно стихла. Снѣжинки не крутились въ обихной схваткѣ, но мирно летѣли, словно бѣлыя ночныя бабочки, на свѣтъ моего фонаря. Мятель словно испугалась рождающагося таинственного незнакомца и ретировалась предъ нимъ, чувствуя, можетъ-быть, что онъ создастъ такую бурю и выюгу во вселенной, что не здѣшнимъ снѣжнымъ вьюгамъ тягаться съ ними!

Съ огромнымъ трудомъ удалось мнѣ добыть лошадей. Никто не хотѣлъ ѣхать по плохой дорогѣ, да еще подъ праздникъ. Я выходилъ изъ себя, бранился, обѣщалъ награду, но ничто не помогало.

И когда я въ полномъ отчаяніи сидѣлъ у становаго, въ канцеляріи, вдругъ объявился мой спаситель.

Это былъ огромный коренастый мужичище съ четырехугольной бородой и тупымъ, словно срѣзаннымъ, затылкомъ.

— Поѣдемъ, ваше высокородіе! — равкнулъ онъ густымъ басомъ: — я повезу!

— Поѣдемъ! — обрадовался я: — ты кто? Какъ тебя звать?

— Я — генералъ! — отвѣтилъ онъ, усмѣхаясь: — а когда я пьянъ, я — чортъ. И лошади у меня черти. Намъ все можно! Сейчасъ я пьянъ и все могу совершить!

Ѣхать съ пьянымъ, да еще къ тому же какъ будто сумасшедшимъ, было болѣе, чѣмъ рискованно, но я махнулъ на это рукой.

— А лошади готовы? — спросилъ я «генерала».

— Лошади будутъ въ секунты! Я свистну — и онѣ прилетятъ... Идемъ, садись!

— Куда ты, дуракъ, ѣдешь? — уговаривалъ его кто-то на улицѣ: — проѣзду вѣдь нѣту!

— Для генерала проѣзды завсегда есть! — басомъ отвѣчалъ онъ: — я полечу тамъ, гдѣ вамъ ходу нѣтъ!

Онъ свистнулъ, и къ крыльцу подкатила тройка. Мальчишка слѣзъ съ козелъ и передалъ вожжи «генералу».

— Отчаянный! Пожалуй, и впрямь проѣдетъ, горами: тамъ снѣгу мало, — говорили кругомъ: — только вѣдь и кувырнуться тоже возможно!

И мы поскакали.

Это была какая-то сумасшедшая ѣзда. Лошади у «генерала» были, дѣйствительно, какой-то дьявольской породы. Несмотря на глубокой снѣгъ, онѣ продирались впередъ съ какой-то непостижимой отчаянностью. Потомъ мы выѣхали на пригорокъ, гдѣ было жестко и гладко, и онѣ понеслись стрѣлой. Меня подкидывало во всѣ стороны, и я еле удерживался, чтобы не вывалиться. Иногда сани раскатывались въ сторону и стремительно неслись подъ уклонъ, и мнѣ казалось, что мы летимъ въ пропасть. Но онѣ врѣзывались въ снѣжный сугробъ и останавливались, а затѣмъ опять начиналось бѣшеное продиранье по снѣгу и отчаянная скачка. Одно время мы ѣхали по лѣсу, гдѣ было совсѣмъ мало снѣга, и тутъ скачка приняла уже совершенно фантастическій характеръ: навстрѣчу намъ неслись высокіе стволы и длинныя вѣтки, звонъ колокольчика и крики ямщика гулко раздавались въ пустынномъ безлюдьѣ лѣса, и мнѣ невольно вспоминалась фантастическая картина Штука «Die wilde Jagd».

«Генералъ» все время оралъ на всякіе лады, кричалъ, что онъ чортъ, и ему никакіе законы не писаны, что онъ ничего не боится. Онъ, дѣйствительно, гналъ по какимъ-то совсѣмъ несуразнымъ мѣстамъ, гдѣ на каждомъ шагу было можно сломать шею. Но меня это не беспокоило нисколько. Нужно сказать, что, вообще, едва я выѣхалъ со станціи, какъ всю мою тоску, всѣ тревоги какъ рукою сняло. Я даже не боялся опоздать.

Стало свѣтать, когда мы благополучно подѣхали къ заводу; «генералъ» далъ рождыхъ лошадямъ, и онѣ легкой рысью спу-

скались подъ гору въ котловину, гдѣ раскинулось селеніе. Самъ онъ тоже попитихъ и, повидимому, протрезвился.

— По дорогѣ полсотни верстъ будетъ, — промолвилъ онъ, обращаясь ко мнѣ уже обыкновеннымъ голосомъ: — а я прямо по горамъ дую, и всего тридцать получается. Впередъ ладно — все подъ гору приходится, а ужъ назадъ такъ не поскачешь. Другіе боятся, а я нѣтъ! Когда я пьянъ, я все могу!

Домъ, въ которомъ жили Алтуховскіе, стоялъ у лѣсной опушки въ полуверстѣ отъ селенія. Мы подлѣтели лихо къ воротамъ, «генералъ» соскочилъ съ козелъ и сталъ стучаться.

— Гости пріѣхали! — оралъ онъ своимъ дикимъ басомъ: — слѣдователь пріѣхалъ! Отворяй!

Но никто не отзывался, и въ домѣ было мертво и безмолвно. Сердце у меня опять сжалось тоскою.

«Такъ и есть! — подумалъ я: — такъ и должно было быть!»

— Эка, спать-то! — проворчалъ ямщикъ: — отворяй!!! Слѣдователь судебный пріѣхалъ!..

Если бы я въ ту пору былъ въ нормальномъ состояніи, меня нисколько бы не удивило, что мнѣ такъ долго не отпираютъ, и я спокойно барабанилъ бы цѣлый часъ въ ворота, ибо всякій знаетъ, какъ трудно иной разъ пробраться на зарѣ въ жилое помѣщеніе. Но въ этотъ разъ я былъ взволнованъ, я былъ убѣжденъ, что въ домѣ Алтуховскихъ неладно, и поэтому, не думая долго, велѣлъ ямщику ѣхать въ полицію.

Тотъ удивился, но поѣхалъ.

Черезъ какія-нибудь двадцать минутъ мы снова подѣхали къ дому уже въ сопровожденіи сельской стражи и становаго; послѣдній сообщилъ дорогой мнѣ, что самъ Алтуховскій наканунѣ выѣхалъ экстренно въ сосѣдній заводъ къ своему больному брату, и что моя сестра осталась на ночь одна.

«Такъ и есть! такъ и есть!» — думалъ я, и сердце у меня такъ и билось.

Когда мы подѣхали къ дому, то ворота оказались отворенными настежь, но никто насъ не встрѣтилъ, не вышелъ къ намъ изъ дома. Въ снѣгахъ, куда мы вошли чрезъ опять-таки открытую дверь, лежала на полу какая-то дѣвушка, не то убитая, не то въ обморокѣ.

Становой ахалъ и ужасался, а я молча бѣжалъ по темнымъ, еле освѣщеннымъ зимнею зарею, комнатамъ довольно обширнаго дома. Наконецъ предо мною какая-то маленькая комнатка съ кроватью, а на кровати неподвижно лежитъ женщина.

— Боже мой! Вѣра! — закричалъ я...

Нѣтъ, это была, какъ потомъ оказалось, нянька. Ее тоже не то придумали, не то ошарашили. А сестра была рядомъ въ сосѣдней комнатѣ.

Она спала тамъ съ ребенкомъ и была совершенно жива и здорова. Она даже ничего не знала, что дѣлается въ домѣ, и была крайне поражена, увидѣвъ меня въ самомъ растерзанномъ и смятенномъ видѣ.

А между тѣмъ она была на волосокъ отъ смерти. Громилы пробирались, именно, въ спальню, такъ какъ знали, что деньги и цѣнные вещи Алтуховскіе держали у себя въ спальнѣ. Но мой внезапный пріѣздъ и вопли ямщика: «слѣдователь пріѣхалъ!» — перепугали ихъ, и когда мы поѣхали за полиціей, они удрали. Впрочемъ, потомъ ихъ всѣхъ отыскали.

Грабители, какъ потомъ они сами признались, всего болѣе были поражены тѣмъ, что пріѣхалъ не кто другой, а именно слѣдователь! Ихъ поразила фантастичность моего прибытія: какъ будто сама Немезида вдругъ возстала предъ ними, какъ святочное привидѣніе, и накрыла ихъ на мѣстѣ преступленія!

— Ну, такъ вотъ, вы и объясните все это, — заключилъ свой рассказъ Голыбинъ: — случайность это, или что-нибудь иное?

— А что же это была за книга? — спросили мы: — видѣли вы ее потомъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. На обратномъ пути я нарочно зашелъ на станціонную квартиру, чтобы еще разъ поглядѣть на «страшную книгу», но ея тамъ уже не оказалось. Василий сказалъ, что она пригласилась какому-то проѣзжающему, и онъ купилъ ее за двугривенный. И пожажъ же я тогда, что самъ не купилъ ея!

— Господа! Съ Новымъ годомъ! — произнесла въ этотъ моментъ м-ше Лялина, входя въ гостиную.

Мы поднялись, стали поздравлять другъ друга, пить шампанское, и «страшныя исторіи» кончились! Началась обыкновенная праздничная исторія.

* * *

Нѣтъ, нѣтъ! Зачѣмъ смущать дремотный твой покой...
Въ чертогъ души твоей лазурной
Я не войду съ моей свинцовой тоской
И съ полной слезъ могильной урной.

Ты—лучезарный день, я—призрачная ночь;
Ты ключъ цѣлебный жаркой вѣры,
А я—сомнѣній мгла... Разсѣять мнѣ не въ мочь
Безвѣрья мутнаго химеры...

Ты—въ райскомъ уголкѣ безтрепетная лань,
Я—загнанный олень надъ бездною...
На жертвенникъ страстей какъ часто клалъ я дань,—
А ты чиста, какъ свѣточъ звѣздный...

Я скорбныхъ тайнъ земныхъ не стану открывать
Цвѣтку, не знавшему ненастья:
Въ познании сладость есть, но горько сознавать,
Что и въ невѣдѣньи есть счастье.

Петръ Быковъ.

М И Т И Н Г Ъ.

(Съ итальянскаго)

Дж. Роветта.

Глядя въ глубь этого огромнаго сада, полнаго тишины, свѣжести и влаги, забывалось, что находишься въ центрѣ Милана, въ шагахъ отъ собора и отъ кипящей, какъ муравейникъ, галлерей. Эти вѣковыя деревья, эти заросшія травой дорожки, эти старинныя, съ позеленѣвшими трещинами статуи напоминали собою запущенный паркъ уединенной и необитаемой виллы.

Сонливая тоска стояла въ воздухѣ, пропитанномъ сильнымъ и раздражающимъ запахомъ магнолій, увядавшихъ на гигантскомъ деревѣ подлѣ фонтана. Съ дерева, время отъ времени, падали, то съ рѣзкимъ, то съ тихимъ шумомъ глянцевитые, какъ металлъ, уже свернувшіеся и желтые листья.

И только этотъ слабый шумъ, да неясный гулъ отдаленныхъ голосовъ иногда проносился въ этой томительной тишинѣ заточенья.

Маркизь Пьеръ Луиджи, едва окончивъ пить кофе, поднялся и, теперь, замѣшкался на выходящемъ въ садъ балконѣ, положивъ обѣ руки въ карманъ своей свѣтлой куртки. Небольшая утренняя прогулка—отъ десяти до одиннадцати—по извѣстнымъ кварталамъ города, возбуди въ немъ особую «нервность» желудка за завтракомъ.

Сегодня—дивный июньскій день, свѣтило яркое, веселое солнце. Покачиваясь въ темпѣ вальса въ своемъ шарабанѣ, маркизь правилъ самъ. Грумъ въ цилиндрѣ сидѣлъ возлѣ него, скрестивъ руки на груди, какъ маленький Наполеонъ. На этотъ разъ маркизь рискнулъ прокатиться по самымъ отдаленнымъ улицамъ стариннаго предмѣстья въ самые населенные сплошь одними рабочими кварталы, гдѣ находится множество фабрикъ, мастерскихъ, огромныхъ, заселенныхъ рабочими домовъ, представляющихъ собою устьяныя частыми окнами четырехугольники, похожіе на казармы или гигантскія клѣтки. Тамъ, у дверей, у воротъ, въ тавернахъ, къ кофейнямъ, внушающихъ своей многочисленностью отвращеніе и почти ужасъ, въ этомъ бодомѣ волнующагося и суетящагося, несмотря на праздникъ, люда, онъ нашелъ народъ,—народъ, такъ непохожій на тотъ, который онъ съ такимъ риторическимъ пафосомъ—не импровизированнымъ—описалъ своимъ коллегамъ парламента; новый народъ большихъ городовъ, которому трудъ и промышленность даютъ такую типичную физиономію. Маркизь Пьеръ Луиджи, продолжая покачиваться въ своемъ желтомъ, глянцевитомъ шарабанѣ, среди группъ рабочихъ, вмѣсто восхищеннаго и завистливаго подобострастья, которое выказывали ему крестьяне его помѣстій, улавливалъ взоры насмѣшки и злобы; онъ понималъ, что проѣзжалъ теперь черезъ тотъ міръ, дѣйствительный и грозный, существованіе котораго онъ и его друзья упорно отрицали, больше ради приличія и удобства, чѣмъ изъ убѣжденія; но послѣднее самое непріятное впечатлѣніе испытывалъ онъ на обратномъ пути, проѣзжая по улицамъ квартала Гарибальдийскихъ воротъ, гдѣ чаще попадались наклеенныя на стѣнахъ угловыхъ зданій огромныя афиши ярко-краснаго цвѣта, который уже самъ по себѣ являлся вызовомъ. Эти афиши приглашали «гражданъ» къ двумъ часамъ этого самаго воскресенья на большой публичный митингъ въ театрѣ Альгамбра, на которомъ «народныя партіи» должны были обсудить настоящій «политическій моментъ»; ораторомъ митинга былъ объявленъ докторъ Джустио Аллори.

Осыпая въ раздраженіи ударами хлыста своего гнѣдаго бѣгуна, маркизь злорадно разсмѣялся:

«Докторъ Джустио Аллори!» — Какъ хотѣлось ему однимъ ударомъ хлыста содрать эти афиши! — «Паяцы! Шуты! Еще и ораторомъ на митингахъ! Шуты... фигляры! И неблагодарная тварь! Еще недостаточно ему было газетъ, брошюръ, всей этой... подстрекательной работы за послѣдніе два года! Такъ нѣтъ, теперь еще и въ театрѣ и на площади!» — и Пьеръ Луиджи снова бросалъ косой взглядъ на афиши. — «Политическій моментъ!» Да! Они изучили, и поняли, и представятъ его, этотъ «политическій моментъ», эти несчастные, которые едва въ состояніи прочесть по складамъ «классовая борьба». Маркизь Пьеръ Луиджи пережилъ его въ Римѣ, переживалъ его теперь въ Миланѣ этотъ «политическій моментъ». Но, увы! къ несчастью вся эта «сволочь», которая сбѣжится въ этотъ деревянный балаганъ, гдѣ будетъ галдѣть, драť глотку и рукоплескать этому изступленному честолюбцу Аллори, и былъ тотъ самый плебсъ, въ рукахъ котораго была такая сила на выборахъ.

Маркизь Пьеръ Луиджи подгонялъ лошадь, направляясь обратно

къ своему палаццо и рѣшая, въ эту минуту, цѣлый день не выходить больше изъ дому.

Онъ вернулся противъ обыкновенія до одиннадцати, разсердился на то, что донна Марія такъ долго не показывалась, рискуя, такимъ образомъ, опоздать къ двѣнадцатичасовой мессѣ и пропустить проповѣдь въ Санъ-Феделе, и даже дерзнулъ—смѣлость ему совершенно несвойственная—послать горничную попросить маркизу, и, наконецъ, сѣлъ одинъ завтракать. Почти въ ту же минуту вошла донна Марія; казалось, что она тоже находилась въ такомъ же настроеніи, какъ и ея супругъ,—настроеніи, которое удивительно гармонировало съ характеромъ всей комнаты, съ царившимъ въ ней унылымъ полумракомъ, со строгой обстановкой, съ темными обоями, съ массивной сервировкой, съ огромными картинами «nature morte».

Тотчасъ же послѣ завтрака маркизь Пьеръ Луиджи вышелъ на террасу курить. Онъ опасался гнѣвныхъ изліяній супруги по поводу слабости, проявленной ломбардской группой въ палатѣ.

Донна Марія, держась очень прямо, вооруженная черепаховымъ лорнетомъ, придававшимъ еще болѣе строгое, почти суровое выраженіе ея прекрасному, точно выточенному изъ слоновой кости, лицу, внимательно читала утренній номеръ «Neo-Guelfo»: не слѣдовало ни безпокоить, ни отвлекать ее въ такую минуту.

Тамъ, въ саду, казалось, что покой и тишина еще увеличились съ приближеніемъ полуденнаго часа. Едва слышался только металлическій шумъ падавшихъ на землю листьевъ магнолій, да временами доносившійся гулъ уличнаго шума. Кто сказалъ бы, что за этой поросшей мхомъ и плющомъ стѣной кипѣла такая полная силы и волненій жизнь?

Необытное, бурное море народнаго гнѣва разбивало свои волны у подножья этихъ массивныхъ стѣнъ, оставшихся безучастными, несокрушимыми цѣлые вѣка. О! Онъ видѣли и вынесли бури... и куда болѣе ужасныя! — Однимъ митингомъ больше или меньше? Митингъ въ Альгамбрѣ—это еще, право, не свѣтопреставленіе, не революція!..

«Политическій моментъ? Фигляры!..» Онъ вдругъ почувствовалъ на себѣ взглядъ маркизы и, обернувшись, понялъ, что въ ней чтеніе газеты не произвело того утѣшительнаго успокоенія, какое вселила въ него безмятежность сада.

— Смотри, — маркиза розовымъ ногтемъ указала ему статью въ газетѣ: — докторъ Джустио Аллори выступаетъ уже и трибуномъ.

— Да. — Пьеръ Луиджи презрительно усмѣхается, но маркиза вспыхиваетъ гнѣвомъ.

— И во всемъ этомъ большая часть вины падаетъ на тебя.

— На меня?

— Да. Своею слабостью въ отношеніи къ отцу ты способствовалъ нравственному паденію сына.

Пьеръ Луиджи снова вошелъ въ столовую и началъ ходить взадъ и впередъ, становясь все мрачнѣе и мрачнѣе съ каждымъ шагомъ.

Его супруга была права: отчасти, дѣйствительно, виноватъ былъ онъ: онъ не придавалъ значенія чрезмѣрной снисходительности стараго Лоренцо къ сыну. Напротивъ, говоря откровенно, онъ самъ тоже частенько потворствовалъ ему, читая первые стишки, первые разсказы юнаго студента, появившіеся въ маленькихъ беллетристическихъ журналахъ.

Маркиза, та—наоборотъ; она сразу почувствовала, что въ этомъ мальчишкѣ, на которомъ такъ неуклюже висѣло старое платье, пожалованное маркизомъ съ своего плеча старому Лоренцо, зрѣлъ духъ нетерпимости.

И она не разъ предупреждала его, но напрасно.

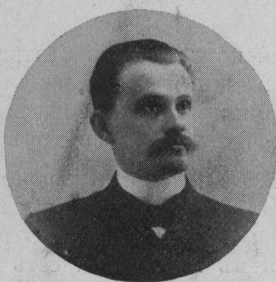
Варинъ былъ слабъ, отецъ пристрастенъ.

Разъ даже Монсирьоръ высказалъ ему, что это прямо скандалъ, что такой революціонеръ росъ въ его домѣ, ѣлъ его хлѣбъ, спалъ подъ его кровомъ; но даже и тогда онъ не захотѣлъ вмѣшаться, приказавъ. Да, маркиза была права. Коршунъ начиналъ расправлять крылья и когти!.. Ну, теперь ужъ пускай убирается, куда хочетъ, но только подальше отъ его дома!

— Лоренцо дома?—спросилъ маркизь у одного изъ слугъ.

— Кажется, дома. Онъ въ одиннадцать часовъ вернулся отъ обѣда.

— Что хочешь ты ему сказать? — Маркиза, развалившись въ

А. В. Алексинъ, курскій город-
ской голова.Н. И. Астровъ, гласный моск. гор.
думы и гор. секретарь.С. М. Блекловъ, приним. участие
въ крест. съѣздъ (былъ арестов.)М. А. Волковъ, симбирскій город.
голова.А. С. Вишняковъ, гласный моск.
гор. думы.

креслѣ и разрывая бандероль журнала «*Les dames du bien*», качала головой и улыбалась: — теперь слишкомъ поздно! Изъ сына вышло то, что есть, а отецъ, конечно, первый и напуганъ тѣмъ, что вышло, и раскаивается.

— Никогда не бываетъ слишкомъ поздно. Предоставь, пожалуйста, мнѣ.

— Позовите Лоренцо! — снова обращается маркизъ къ слугѣ. Нѣсколько минутъ спустя Лоренцо вошелъ и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, попросилъ разрѣшенія сѣсть; въ это утро его особенно мучила болѣзнь сердца, и вотъ, поднявшись всего на нѣсколько ступенекъ, онъ уже задыхался отъ астмы.

Старый мажордомъ, который, вслѣдствіе своей тяжелой болѣзни, нуждался теперь въ абсолютномъ покоѣ, дѣйствительно имѣлъ ужасный видъ: ввалившіеся, обведенные синими кругами глаза были полны скорби, кожа только-что выбритыхъ щекъ обрюзгла и отвисла, безкровныя губы подергивались нервной судорогой, какъ будто больной пытался втягивать съ себя мелкими струйками воздухъ, котораго ему не хватало.

— Мнѣ очень досадно, что я вынужденъ говорить съ вами о... неприятныхъ вещахъ, тѣмъ болѣе, что вы такъ плохо себя чувствуете; но такъ долгие идти не можетъ. Извѣстна вамъ новая шутовская выходка? Та, сегодняшняя?

Лоренцо, сидя на кончикѣ стула со сложенными на колѣняхъ, изможденными руками, началъ дрожать всѣмъ тѣломъ, но эта дрожь не была слѣдствіемъ ни испуга, ни стыда; бѣдняга просто испытывалъ ужасныя страданія.

— Синьоръ Джустио Аллори выступаетъ народнымъ проповѣдникомъ!

Лоренцо утвердительно и скорбно качнулъ головой. Затѣмъ, сдѣлавъ усилие, проговорилъ:

— Знаю, знаю, синьоръ маркизъ. Митингъ въ Альгамбрѣ! Я еще вчера со слезами на глазахъ умолялъ Джустино, чтобы онъ хотъ такой-то огласки... не дѣлалъ ради васъ, синьоры! Я напомнилъ ему всѣ ваши благодаренія... Я заклиналъ его сжалиться надо мною, больнымъ старикомъ. Но онъ отвѣтилъ опять то же, что вотъ уже цѣлый годъ отвѣчаетъ мнѣ: «напрасно, папа! Ты не понимаешь, ты не можешь понять нѣкоторыхъ вещей. То, что я дѣлаю,—это мой долгъ!»

— Его долгъ! Его долгъ! — подпрыгнувъ, проговорила маркиза Марія, съ дрожью негодованія и ненависти въ голосъ. — Его долгъ почитать и уважать имя семьи, въ которой его отецъ работалъ всю свою жизнь, не становиться въ ряды самыхъ неистовыхъ враговъ нашей крови и нашей религіи! Вотъ, что было бы его долгомъ! Вотъ это именно и есть его настоящій долгъ!

Старикъ смотрѣлъ на свою госпожу, пораженный и смущенный этимъ потокомъ ненависти, изливавшимся изъ ея устъ, и ничего не отвѣчалъ. Онъ все время утвердительно кивалъ своей склоненной съдой головой, съ трудомъ переводя дыханіе. Онъ никогда не могъ себѣ представить, что его сына такъ ненавидѣли.

Маркиза, не глядя на него, безпощадно продолжала:

— Мнѣ, съ своей стороны, не въ чемъ себя упрекать. Я старалась помогать вашему сыну и матеріально и нравственно такъ, какъ мнѣ это подсказывали и моя религія и сердце. Да, также и сердце, потому что этотъ... мальчикъ сулилъ совсѣмъ иное: онъ былъ смѣшленный, шустрый, но послушный, разсудительный. Онъ говорилъ уже, что его, конечно, слѣдовало отдать въ семинарію... но, по крайней мѣрѣ, не надо было позволять, чтобы ему набивали го-

лову всѣмъ этимъ нечестіемъ, всѣми чудовищными гнусностями, выдуманнми врагами блага.

— Именно,—вмѣшался маркизъ Пьеръ Луиджи, находя очень своевременнымъ это изліяніе своей супруги, которое, будучи, правда, нѣсколько неумѣреннымъ, приводило, по крайней мѣрѣ, къ заключенію: — что рассчитывали вы сдѣлать изъ него, преслѣдуя ваше тщеславіе и его честолюбіе? Всевозможныя жертвы къ теченію семи или восьми лѣтъ ради того, чтобы онъ сдѣлался ученымъ! Докторъ экономическихъ наукъ! Хороши... науки! Несправедливость капитала, уничтоженіе собственности!..

Маркизъ возбуждался звукомъ собственного голоса, какъ старый породистый конь—трубными звуками. Уже давно искалъ онъ случая высказать у себя въ домѣ, спеціально передъ своей женой, какимъ образомъ *нео-ивелифская* группа углубила также и социальный вопросъ. И онъ началъ громить недостойное заблужденіе марксистовъ, поддерживающихъ возможность социализаціи орудій труда — той революціонной утопіи, являющейся болѣзненнымъ и коллективнымъ самовнушеніемъ массъ, утопіи, до которой дошли послѣ того, какъ поддались «тлетворныя» эволюціонной тактикѣ со стороны подстрекателей, способныхъ, на все, лишь бы удовлетворить свое безумное личное властолюбіе. Онъ шагалъ взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину и свернувъ свой взоръ въ землю, какъ бы внимательно прислушиваясь къ словамъ и пользуясь случаемъ, чтобы собрать и привести въ порядокъ нѣкоторый матеріалъ для будущаго доклада о папской энцикликѣ ободренія католикамъ «истинной демократіи». Но вдругъ, кинувъ взоръ въ сторону Лоренцо, онъ увидѣлъ, что тотъ до такой степени подавленъ, измученъ, блѣденъ, такъ безсилно согнулся на кончикѣ своего стула, что онъ почувствовалъ состраданіе къ своему старому, вѣрному слугѣ и подумалъ, что пора бы и избавить его отъ этой пытки.

— Ну, ужъ теперь, конечно, все это напрасныя слова! Помню, какъ у васъ родился этотъ вотъ единственный сынъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ женитьбы! Казалось, что на васъ свалилось съ неба какое-то особенное благословеніе! А также и при выборѣ имени, помните? Мы вѣдь не изъявили вамъ нашего одобренія назвать Джустио—Джустино... *). Джустио! Справедливый! Какъ будто не достаточно вертять намъ голову съ этой справедливостью и безъ того, такъ нѣтъ, надо еще совать ее въ имена! Достаточно уже несчастной странности... вашей фамиліи—Аллори **), такъ нѣтъ, еще Джустио! Вотъ и вышелъ вамъ Джустио Аллори. Все вмѣстѣ... сенсационно, кажется, какъ будто нарочно подобрано, чтобы бить на эффектъ, поднимать шумъ, выступать въ роли народнаго трибуна, мученика!

— Господи, да кому же все это могло придти въ голову тогда! — осмѣлился пробормотать Лоренцо, всплеснувъ руками.

Донна Марія, поднимаясь, дала знать несчастному старику, что аудіенція окончена.

— Тутъ дѣло не въ словахъ, не въ именахъ, а въ фактахъ. Факты же... теперь настолько серьезны, нетерпимы, что позволить, чтобы въ нашемъ домѣ продолжалъ жить субъектъ, который повсюду, въ газетахъ, въ собраніяхъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, простите, синьора маркиза, не извольте беспокоиться,—взмолился Лоренцо, вставъ и прилагая всѣ усилія, чтобы не упасть:—я думалъ, это уже вашей милости извѣстно. Джустино

*) Джустио—справедливый.

**) Аллори—лазры.

В. М. Нашковъ, членъ калуж-
ской губ. зем. управы.

Проф. М. М. Ковалевскій.

Б. Б. Ностылевъ, старіицкій
предв. двор.Г. Р. Кильвейнъ, членъ нижегор.
губ. зем. управы.И. В. Лучицкій, проф. унив. св.
Владимира.

уже почти два мѣсяца не живетъ здѣсь, со мною. Онъ заходитъ иногда, провѣдать меня, узнать о моемъ здоровьи; тутъ еще остались кое-какія... книги, но онъ самъ понялъ, что невозможно!.. Ужъ что же дѣлать, синьора, и это горе выпало на мою несчастную долю. Не имѣть подлѣ себя сына, наканунѣ того дня, когда мнѣ суждено разстаться съ нимъ навсегда. А вы, синьоры, вполне правы! За всю доброту, какую вы всегда выказывали этому мальчику, за всѣ милости... Ахъ! Я все понимаю и никогда ничего не забуду... Да, какъ быть, ничего не подблещу, ужъ такое мое несчастье! Такъ ужъ видно Господу угодно. Не достаточно еще болѣзни, этой астмы, которая душитъ меня... Ужъ простите, простите, смилуйтесь надъ старикомъ!.. А коли не прикажете, такъ Джіустино и совсѣмъ не будетъ приходить! Буду и къ нему ходить, пока хватитъ силы... а тамъ, когда умру... ужъ простите ему ради меня... только ради меня!

Старикъ поднялъ руки къ горлу, чтобы разстегнуть воротникъ: волненіе, горе, слезы еще только усилили его астму. Онъ вышелъ изъ комнаты, пятаясь, кланаясь и шатаясь. Онъ употребилъ не менѣе десяти минутъ на то, чтобы подняться по черной лѣстницѣ на третій этажъ и тамъ укрыться въ свои комнатки, гдѣ онъ могъ, по крайней мѣрѣ, остаться одинъ со своимъ горемъ, со своимъ отчаяніемъ. Онъ рѣшилъ не выходить даже къ вечеру: онъ не былъ въ состояніи еще разъ подняться сегодня по этой лѣстницѣ. Да потомъ здѣсь, у себя наверху, онъ могъ сосредоточиться и молиться съ такимъ же благочестіемъ, какъ и въ церкви. Онъ прочтетъ всю вечерню, а также и повечеріе и немножко псалмовъ, глядя изъ своего окошечка на свой дивный соборъ, весь бѣлый и розоватый и лазоревый, со своими террасами, балюстрадами, своими шпильми и статуями, святыми, ангелами, мадоннами. Лоренцо глядѣлъ на нихъ, кланялся имъ по нѣскольку разъ въ день въ теченіе болѣе сорока лѣтъ и зналъ изъ нихъ каждаго въ отдѣльности, съ каждымъ говорилъ, къ каждому обращался съ какой-нибудь особой молитвой — въ различныхъ несчастіяхъ своей жизни, когда остался одинъ съ ребенкомъ, потомъ, когда Джіустино выросъ такой хрупкій, полубольной, потомъ за послѣдніе годы, когда Джіустино выказалъ свои идеи и, какъ сумасшедшій, бросился въ эту проклятую политику, а у него, несчастнаго старика, отъ постоянного страха и огорченій и отъ упрековъ хозяйки усилилась его сердечная болѣзнь.

Послѣ долгой остановки, прижавъ обѣ руки къ груди, потому что ему казалось, что его сердце сейчасъ перескочитъ въ горло, поднялся онъ, наконецъ, и на послѣдній, самый короткій, но зато и самый крутой поворотъ лѣстницы, и очутился на площадкѣ, залитой солнцемъ и свѣжимъ воздухомъ, какъ и его комнаты.

Отправляясь внизъ, онъ заперъ дверь: какимъ же образомъ она была теперь отперта и въ замкѣ торчалъ ключъ? По легкому и знакомому кашлю, донесшемуся изъ комнаты, онъ сейчасъ же понялъ.

«Дома, въ такой часъ? Почему?» — подумалъ старикъ, всегда еще больше волнуясь при мысли встрѣтиться съ сыномъ въ то время, когда онъ чувствовалъ себя такъ плохо.

— Ну, смѣлѣе! — онъ толкнулъ дверь и, едва успѣвъ войти, упалъ на стулъ, въ полномъ изнеможеніи; изъ его груди, вмѣсто воздуха, вырвался стонъ.

— Зачѣмъ тебѣ вздумалось ходить по лѣстницамъ, если ты чувствуешь себя такъ плохо? Ты вѣдь обывалъ мнѣ сидѣть спокойно или дома, или на терраскѣ.

— Меня потребовали внизъ господа.

Молодой человѣкъ при словѣ «господа» слегка покраснѣлъ.

— Что имъ понадобилось? Вѣдь они знаютъ, что ты боленъ!

— Имъ надо было поговорить со мной!

Молодой человѣкъ вытащилъ, наконецъ, запыленную пачку брошюръ, въ которой принялся лихорадочно рыться, раздражаясь, теряя терпѣніе, боясь опоздать.

— Если я не найду конспекта «*Капитала*», составленнаго Гаврииломъ Девилля, то я сегодня буду просто какъ безъ рукъ; а конспектъ былъ въ этой пачкѣ. Куда онъ запропастился!

— Я, ты вѣдь знаешь... никогда ничего не трогаю! — пробормоталъ старикъ.

Джіусто поднялъ глаза и пристально уставился на него, разстроганный, взволнованный этимъ скорбнымъ голосомъ въ эту важную для него минуту. Затѣмъ, улынувшись, проговорилъ:

— Я знаю, знаю, папа, ты моихъ книгъ не трогаешь; но мнѣ необходимо найти этого Девилля. Я хочу закончить сегодняшнее собраніе...

— Оставь ты свое собраніе! — прервалъ его Лоренцо, складывая ладони рукъ въ знакъ смиренной, но горячей мольбы. — Не ходи ты на этотъ митингъ! Избѣгай скандала; ну, хоть изъ уваженія къ отцу, къ дому, въ которомъ твой отецъ всегда служилъ вѣрой и правдой!..

— Служилъ? Ха-ха! Преданность, вѣрность, съ какой ты служилъ этимъ господамъ, должны были бы помѣшать мнѣ служить моимъ идеямъ? И это для того, чтобы сказать тебѣ это, они звали тебя внизъ? А воображаю, какое остроевеніе противъ меня, особенно со стороны синьоры маркизы! Ну, да пускай! Мнѣ некогда терять время! Скажешь тамъ этимъ синьорамъ, что у меня тоже есть мои господа и этими господами являются мои обязанности, которые для меня ужъ, конечно, важнѣе синьора маркиза и синьоры маркизы.

— Нѣтъ, нѣтъ, Джіустино! Не дѣлай, не говори такъ сегодня, хоть ты-то!.. Хоть ты не сердись, не причиняй мнѣ еще горя. Вѣдь свѣтъ не перемѣнится даже и отъ твоихъ рѣчей, потому что, какъ все шло, такъ и будетъ идти. Господу Богу, Единственному Великому Вождю сильныхъ и слабыхъ, угодно, чтобы такъ было!

Молодой человѣкъ, съ одухотвореннымъ и умнымъ лицомъ, сразу озарившимся ласковой снисходительностью и состраданіемъ, остановилъ его:

— Довольно, довольно, папочка, довольно, дорогой мой старичокъ. Сегодня не надо повторять мнѣ все это, не надо. Три, четыре тысячи человѣкъ рабочихъ тружениковъ собираются сейчасъ и я всѣмъ имъ скажу все то, что вотъ уже цѣлый мѣсяцъ бродитъ во мнѣ тамъ, внутри... Успокойся, сядь, возьми и читай свой молитвенникъ... Ты меня не можешь понять. Ахъ, вотъ, вотъ онъ, мой Девилль! Ну, вотъ хорошо, что хоть нашелъ!

Молодой человѣкъ бросаетъ взглядъ на стѣнные часы, какъ бы лица предлога и мужества, чтобы положить этому конецъ и уйти.

— Безъ четверти два?!.. О! вскакиваю въ первый трамъ и живо въ Альгамбру! Я не могу опоздать! А ты думай всегда только одно: что бы тебѣ ни говорили противъ меня и моихъ убѣжденій, я честный человѣкъ и всегда имъ останусь!

Сгибая свою высокую, тощую, костлявую, угловатую фигуру, чтобы пройти въ низкую дверь, молодой человѣкъ еще разъ ласково кивнулъ въ знакъ прощанья старому отцу, быстро сбѣжалъ съ лѣстницы и еще быстрѣе пустился шагать къ трамваю, направляющемуся къ Гарибальдийскимъ воротамъ, на ходу перелистывая брошюрку Девилля и дѣлая на ея поляхъ крупными помѣтками цвѣтнымъ карандашомъ. Въ поношенной, измятой шляпѣ, въ золотыхъ очкахъ, въ небрежно висѣвшемъ на немъ платкѣ, въ большомъ черномъ, полуразвязанномъ галстукѣ, съ наполненными газетами карманами, дѣлая какіе-то быстрые, нервные жесты, выражавшіе крайнее возбужденіе, бормоча сквозь зубы отрывки ораторской рѣчи, проходилъ онъ мимо людей, никого не видя, замѣчаемый всѣми, знакомый многимъ, и вслѣдъ ему неслись взоры любопытства, восхищенія, симпатіи, а также состраданія, насмѣшки и нескрываемого злобнаго отвращенія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„Варшавскій сеймъ 1773 года“.

(Рис. на стр. 4).

Янъ Матейко (1838—1893) является однимъ изъ наиболее известныхъ польскихъ художниковъ. Крупное имя,

которое онъ составилъ своими картинами, онъ приобрѣлъ, главнымъ образомъ, благодаря національной окраскѣ своего творчества, но при всемъ томъ его кисть отличается безусловными художественными качествами.

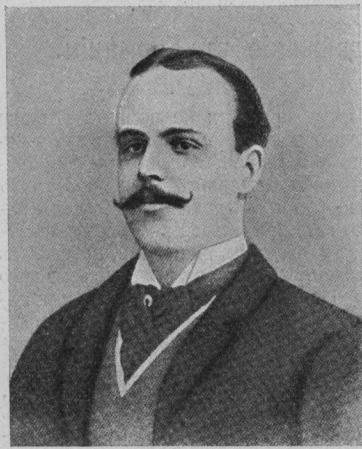
Подобно знаменитому польскому романисту, Г. Сенкевичу, Янъ Матейко поставилъ своей задачей изображать Польшу — ея исторію, ея бытъ, ея славу и несчастья. Въ цѣломъ рядѣ написанныхъ имъ картинъ эта тенденція выступаетъ съ чрезвычайной яркостью. Многія изъ этихъ картинъ даже нѣсколько крикливы въ этой тен-

Новый германскій посолъ при русскомъ правительствѣ В. фонъ-Шене.

Алиса Рузвельтъ, старшая дочь американскаго президента Рузвельта, и ея женихъ, Николай Лангвортъ.

денциозности; но всё онъ написаны съ большимъ мастерствомъ, чрезвычайно эффектно и колоритно.

Янъ Матейко дебютировалъ на поприщѣ художественной дѣятельности картиною «Варшавскій сеймъ 1773 года». Она изображаетъ одинъ изъ моментовъ того сейма, который былъ созванъ въ Варшавѣ для утвержденія акта перваго раздѣла Польши и для устройства «Рѣчи Посполитой» на новыхъ началахъ. Сеймъ былъ созванъ противъ желанія Станислава Понятовскаго, несмотря ни на какіе его протесты, и прошель бурно.

Вопреки желанію многихъ делегатовъ, немногочисленная часть сейма признала раздѣлъ и подтвердила его торжественными трактатами. И тогда, подъ конецъ засѣданія, одинъ изъ протестующихъ упалъ на полъ предъ дверями и заявилъ, что воспрепятствуетъ членамъ сейма выходить изъ собранія. Но члены ринулись къ выходу, шагали чрезъ него, топтали его.

Картина Матейко воспроизводитъ именно эту послѣднюю сцену, дающую яркое представление о характерѣ упомянутого сейма и о характерѣ участвовавшихъ въ немъ лицъ.

„Да придетъ царствіе Твое“. (Рис. на стр. 8).

Польскій художникъ, А. Муха, хорошо извѣстенъ у себя на родинѣ и въ Европѣ своими глубоко-продуманными и образными символическими картинами. Въ картинѣ „Да придетъ царствіе Твое“ онъ задается цѣлью выразить то страстное исканіе царства правды и мира, которымъ полны всѣ страдающіе и измученные

Гр. А. В. Орловъ-Давыдовъ, извѣстн. благотворитель, пожертвовавш. во время послѣдней войны миллионъ руб. въ пользу Красн. Креста и 200.000 р. на флотъ († 19 дек. 1905).

Генералъ-адъютантъ П. Л. Лобко, бывший государственнымъ контролеромъ († 12 декабря 1905 г.).

Генер.-адъютантъ П. И. Мищенко, назначен. временно командующ. гренадерскимъ корп. въ Москвѣ.

Генералъ-лейтенантъ Н. И. Ивановъ, назначенный командиромъ 1 армейскаго корпуса.

люди. Въ глухой долинь, стиснутой мрачными горами (такъ символизируетъ художникъ земную юдолю), кипитъ людская вражда, ползутъ отвратительные призраки зла, и томится въ тѣснотѣ и тяготѣ жизни истерзанное человѣчество. И страстно стремится оно къ сіяющему небеснымъ свѣтомъ идеалу добра и мира, къ истинѣ, сошедшей къ этимъ людямъ съ горныхъ высотъ. И вѣруютъ они въ пришествіе царствія Бога, когда на землѣ засіяетъ небесный свѣтъ и исчезнетъ навсегда зло и вражда.

Демократическое движеніе въ Германіи.

(Политическое обозрѣніе).

Событія, происходящія въ Россіи, не могли не вызвать отклика въ Западной Европѣ, гдѣ горячаго матеріала накоплено, быть-можетъ, несравненно больше, чѣмъ у насъ, но властная рука правительства, опирающихся на интересы высшихъ классовъ, умѣло сдерживаетъ всякіе народные протесты въ границахъ строгой законности и порядка. Агитація, поднятая въ Саксоніи въ пользу всеобщаго голосованія, не замерла подъ давленіемъ репрессій, но явилась какъ бы очагомъ скрытно-революціоннаго движенія, охватившаго цѣлую Германію. Начинается оно пока невинными уличными манифестациями и сходками, а закончится, по ожиданію руководителей и самихъ властей, всеобщою забастовкою и вынужденной пріостановкою всей экономической жизни страны.

Германская консервативная печать заранѣе уже бьетъ тревогу, призывая правительство дѣйствовать со всею строгостію законовъ противъ предводителей социалистической партіи, открыто подготовляющихъ заговоръ противъ существующаго общественнаго порядка. Призывы не остаются безъ вліянія на правительство. Глава послѣдняго, имперскій канцлеръ фонъ-Буловъ, произнесъ въ рейхс-

въ союзѣ съ своими врагами. Они стараются учать въ свою пользу духъ времени, рассчитываютъ на недовольство, посѣваемое среди буржуазіи слишкомъ реакціоннымъ правительствомъ, на экономическое движеніе рабочихъ, которые, въ концѣ-концовъ, отринутся отъ революціоннаго социализма, когда увидятъ возможность опереться на болѣе положительную силу.

Всѣ эти расчеты могутъ, однако, оказаться ошибочными. Дѣло въ томъ, что, поднимая вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, германскіе социалисты дѣйствуютъ отнюдь не на почвѣ своихъ марксистскихъ доктринъ, а на почвѣ общегражданскихъ началъ, которыя должны были бы быть всего дорожее именно либераламъ. Уступивъ социалистамъ свое законное мѣсто во главѣ прогрессивнаго движенія, германская либеральная партія не сумѣла использовать настроенія рабочихъ массъ, создавшееся подъ впечатлѣніемъ русскихъ событій. Въ конституціонной странѣ, съ прекрасно организованнымъ рабочимъ классомъ, трудно держать значительную часть бѣднѣйшаго населенія безъ принадлежащихъ ему гражданскихъ правъ, равныхъ съ правами высшихъ имущественныхъ классовъ. Рѣчь идетъ не о революціонной диктатурѣ пролетаріата, о которой русскіе революціонеры мечтаютъ при томъ условіи, что у насъ насчитывается не болѣе 5% пролетаризированнаго населенія, но о гражданской и политической равноправности германскаго пролетаріата, составляющаго, по Каутскому, около $\frac{2}{3}$ всего населенія Германіи. Германское правительство пойметъ, что куда легче плыть по теченію, чѣмъ противъ теченія, и само, вѣроятно, присоединится къ программѣ коренной реформы избирательнаго права. Такимъ образомъ, движеніе, пережитое Россіей, независимо отъ того, въ какія формы уляжется оно въ концѣ-концовъ у насъ, дастъ толчокъ къ полному гражданскому и политическому обновленію Европы.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Урокъ. Повѣсть Бор. Лазаревскаго.—Новый годъ. Стихотвореніе Григорія Жегулева.—Страшная книга. Новогодній рассказъ Б. П. Никонова.—Стихотвореніе Петра Быкова.—Митингъ. (Съ итальянскаго). Дж. Роветта.—„Варшавскій сеймъ 1773 года“.—„Да придетъ царствіе Твое“.—Демократическое движеніе въ Германіи. (Политическое обозрѣніе).—Объявленія.

РИСУНКИ: Первый номеръ.—Засѣданіе сейма въ Варшавѣ въ 1773 г.—Казачій разбѣдъ.—„Да придетъ царствіе Твое“.—Кровавые дни въ Москвѣ: 1) Послѣ бомбардировки дома Моск. торг.-строит. акц. общества (уголь Долгорука ул. и Лѣснаго пер.). Пробитая снарядомъ стѣна въ квартирѣ № 37. 2) Въ квартирѣ Шугаева. Поврежденія, причиненныя разорвавшимся снарядомъ. 3) Одно изъ помѣщеній въ сгорѣвшемъ домѣ товарищества И. Д. Сытина. 4) Сожженный домъ Громова въ Пыховомъ пер. 5) Перевозка убитыхъ изъ полицейскихъ участковъ. 6) Пожаръ отъ разорвавшихся снарядовъ на Муссовъ площади въ Пыховомъ переулокѣ.—А. В. Алексинъ.—Н. И. Астровъ.—С. М. Бленковъ.—М. А. Волковъ.—А. С. Вишняковъ.—В. М. Кашкаровъ.—Проф. М. М. Ковалевскій.—Б. Б. Костылевъ.—Г. Р. Кильвейнъ.—И. В. Лучицкій.—Новый германскій посолъ при русскомъ правительствѣ В. фонъ-Шене.—Алиса Рузвельтъ, старшая дочь американскаго президента Рузвельта, и ея женихъ, Николай Лангвортъ.—Графъ А. В. Орловъ-Давыдовъ.—Генералъ-адъютантъ П. Л. Лобко.—Генералъ-адъютантъ П. И. Мищенко.—Генералъ-лейтенантъ Н. И. Ивановъ.

Нъ этому № прилагаются: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за январь 1906 г., 2) „ПАРИЖСКОЕ МОДЫ“ за ЯНВАРЬ 1906 г. съ 28 рис. и отдѣльн. листъ съ 33 черт. выкр. въ нату. велич. и 11 рис. для выжиганія и 3) СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1906 г., печатан. красками.

Редакторъ-издат. А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. А. СВѢТЛОВЪ.

